

Скажи мне все

Автор:

Камбрия Брокманн

Скажи мне все

Камбрия Брокманн

Убийство по любви

«Притворяйся», – всегда учил ее отец. Для нее это стало заклинанием. Притворяйся хорошей и правильной. Дружелюбной и искренней. Заводи друзей. Именно они помогут тебе идти дальше, веря, что ты любишь их. И пусть никто никогда не узнает, какая ты есть на самом деле...

Малин, поступившая на первый курс престижного колледжа Хоторн, принята в компанию «золотой молодежи». Здесь общаются лишь с себе подобными – веселыми и беззаботными отпрысками богатых семей. Здесь закладываются будущие связи. Поэтому Малин крайне важно, чтобы никто не узнал ее секреты, прошлые и настоящие. А ей есть что скрывать... Зато необходимо узнать как можно больше секретов своих новых друзей. Кто предупрежден – тот вооружен. Вот только с оружием надо обращаться крайне осторожно...

«Роман Брокман, несомненно, напомним читателям “Тайную историю” Донны Тартт. Смесь драмы и триллера, он – настоящий pageturner».

Newsweek

«Захватывающе... Брокман рисует пугающий портрет отпрысков богатых семей, держащихся друг друга, – особенно когда в их головах стирается грань между заботой и одержимостью».

Time

Камбрия Брокман

Скажи мне все

Для Ло

Cambria Brockman

Tell Me Everything

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Tell Me Everything © 2019 by Cambria Brockman

© Смирнова М. В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Часть I

Хоторн-колледж

Хоторн-колледж, День Выпускника,

29 января 2011 года

Для нас всё заканчивается.

Голос в глубине моего разума:

«Прыгай».

Я делаю частые, неглубокие вдохи, грудь моя вздымается. Над нами угрожающе собирается снежная буря, воздух холодит до костей. Стоячая черная вода под нами шепчет наши имена, ей не терпится просочиться в поры нашей кожи. Мы дышим тяжело и ровно, наше горячее дыхание плотными облачками клубится у нас над головами. Даже если б мы хотели убежать, то не смогли бы.

Хор голосов становится громче. Мы, все шестеро, беремся за руки и неуклюжими пьяными движениями придвигаемся ближе друг к другу – плечом к плечу. Холод обжигает наши полунагие тела. Светлые тонкие волоски на моих руках становятся дыбом, точно тянутся к тучам. Джемма и Халед вдыхают, выдыхают – нервно, боязливо.

«Прыгай».

Я закрываю глаза и чувствую тонкие пальцы Руби, плотно сплетенные с моими. Макс, стоящий по другую сторону от меня, ободряюще сжимает мою ладонь. Джон, высокий и спокойный, начинает отсчет. Пытается обмануть нас, заставить забыть, что нам предстоит окунуться в ледяное озеро. Его уверенность скрепляет нашу решимость – теперь назад пути нет.

– Четыре, три...

Я сохраняю спокойствие, в голове у меня звучит голос отца. Мои глаза закрыты, шум окружающего мира становится тише, и я вижу, как отец наклоняется,

шепча мне на ухо. Он высаживает меня возле колледжа, прощаясь со своим единственным ребенком. Он должен покинуть свою дочь, чтобы первые самостоятельные шаги, которые она предпримет в жизни, были правильными. Это мудро. Позади него я смутно вижу свою мать. Она с тоской смотрит на толпу прибывающих новичков, ее губы сжаты в скорбную линию. Я знаю, что она в основном обращает внимание на парней – веснушчатых, с торчащими прядями песочно-русых волос. Мать хотела бы увидеть в этой толпе моего брата; потом она поворачивается ко мне, и горестный очерк губ медленно переламывается, складываясь в вынужденную улыбку. Мой отец подается ближе, его пальцы обхватывают мою руку выше локтя. Он привлекает мое внимание. Хватка у него крепкая, но это не беспокоит меня. Он произносит только одно слово, а потом отстраняется, вглядываясь в мое лицо. Я знаю: он пытается понять, дошло ли до меня сказанное им, – поэтому киваю. Я следую его намекам, как послушное чадо. Мои родители идут через парковку, садятся в машину и уезжают в аэропорт. Когда они прилетают в мой родной город, жаркий и сырой, когда входят в свой опустевший дом, то слово, которое отец шепнул мне, продолжает звучать у меня в голове. Оно определяет каждый мой поступок на грядущие годы, задает ритм пульсации моего сердца.

Я чувствую, как меня тянут за руку, и широко распахиваю глаза.

– Два...

«Прыгай».

Голос Джона становится громче и повелительнее.

– Один!

Наши тела делают рывок вперед и вверх.

На долю секунды мы зависаем в воздухе, и мне хочется, чтобы мы так и остались. Мои друзья визжат и ежатся, в их криках я различаю восторг. Они так долго ждали своей очереди на этот прыжок... После четырех лет в глуши штата Мэн мы наконец-то пришли к этому. Это то, что каждый год совершают выпускники колледжа. Это то, за чем наблюдает каждый новичок, второкурсник, предвыпускник.

Три года назад мы видели Прыжок в первый раз – сбившись в тесную кучку и передавая друг другу фляжку, наполненную дешевой водкой. Она обжигала наши глотки, но в животе разливалось приятное тепло. Прыжок означает, что твоя учеба в Хоторн-колледже подходит к концу. Наше замечательное обучение гуманитарным наукам почти завершено. Прорубь во льду символизирует ритуальное прохождение некоего этапа, начало конца. Это невозможно объяснить посторонним, студентам других колледжей, даже нашим родным. Это только наш ритуал, и мы собственнически относимся к его странной сути.

До нас доносится гром аплодисментов и приветственные крики. Наши сокурсники наблюдают. Я знаю, что они всматриваются в наши лица, видя одновременно ужас и радость, смешивающиеся в ледяной воде. Я хорошо понимаю, что этой традицией полагается наслаждаться, и взвизгиваю, когда мои босые ступни погружаются в черную полынью.

Холодная вода словно пронзает мою кожу тысячами кинжалов, и, когда я погружаюсь глубже, шок заставляет мое тело отказаться от борьбы. Я закрываю глаза, окунаясь в мутную воду, голоса становятся далекими и глухими.

Я чувствую рывки, когда мои друзья бьют ногами, чтобы выбраться из озера на лед; они спешат согреться. Тишина зовет меня – покой и беззвучие. Именно там мне и надлежит быть.

Я слышу голос Руби – она зовет меня по имени. Но этот голос звучит слишком далеко. Сквозь поверхность воды я вижу движение вверху, надо мной. Вода размывает лицо Руби на отдельные штрихи. Ее руки прижаты к груди, бедра крепко сжаты в попытке сохранить остатки тепла.

– Малин! – зовет она; голос у нее испуганный, он вырывается изо рта пузырями.

Я заставляю свои руки и ноги действовать слаженно, толкая тело вверх. Только когда прорываю поверхность воды и хватаю воздух ртом, ко мне возвращается дыхание. Подплываю к неровному краю проруби и хватаюсь одной рукой за потрескавшийся лед. Зима нынче ужасно холодная, но снега пока еще практически нет.

Руби вытаскивает меня из воды, зубы ее стучат от холода. Макс стоит на коленях позади нее, поддерживая одной рукой за спину, а вторую руку протягивая мне.

Он хватает мою скользкую от воды ладонь и вытягивает меня вверх, через зубчатый край полыньи. Я вижу других: Джона, Джемму, Халеда – они, оскальзываясь, бегут к берегу озера, расхватывая полотенца и термосы с горячим шоколадом. Воздух пропитан запахом алкоголя и «травки» – и восторгом от исполнения традиции. Я слышу смех и громовые приветствия тем, кто завершил свой Прыжок. Моя кровь циркулирует с удвоенной скоростью, пытаюсь согреть тело, пальцы на ногах посинели, волосы, заплетенные в косу, смерзлись намертво. Я окидываю взглядом берег, чтобы отыскать тот куст, под которым оставила свою одежду. Все болтают и смеются, клацают зубами и растягивая в улыбке фиолетовые губы. Руби обнимает меня; наша кожа, покрытая здоровенными мурашками, соприкасается. Я улыбаюсь ей и остальным, и мы вместе идем к берегу, оставляя за спиной прорубь. Руби говорит мне что-то, но ее голос ускользает от моего слуха. Я заворачиваюсь в полотенце и направляюсь к костру. Стараюсь делать вид, будто слушаю ее. Мне слишком холодно, чтобы говорить, но я, как обычно, улыбаюсь ей.

Нас окружает некая неизбежность, но мы понятия не имеем о ее присутствии. Завтра утром мы будем сидеть за завтраком в столовой, как обычно, и только тогда поймем, что кого-то из нас нет. В кампус приедет полиция. Огни «Скорой помощи» будут мигать, озаряя заснеженный лес. Мы станем смотреть, как тело увозят на носилках, а полиция прикажет нам оставаться на месте.

Они будут задавать нам вопросы о том, что произошло минувшим вечером и ночью. Наши воспоминания будут разрозненными. Мы напились до потери разума, как типичные студенты колледжа. Они будут смотреть на нас, решая, верить нам или нет.

Они будут правы в том, что усомнятся.

У всех нас есть тайны относительно этого дня, и наша группа распадется еще до начала выпуска. Головоломка с выпавшей деталью рассыплется на отдельные кусочки.

Руби говорит о холоде, о Прыжке, об адреналине, но я слышу только слово, которое мой отец шепотом произнес на прощание. Оно бьется у меня в голове:

«Притворяйся».

Глава 1

Первый курс

Эти первые недели в Хоторн-колледже представляются мне книгами, плотно стоящими на полках и аккуратно расположенными по жанрам. Я гадаю, помнят ли другие их так же, как я. Кусочки и частицы воспоминаний, разрозненные моменты, то, что мы сказали, то, что мы сделали. Причины, по которым мы сдружились, возникли именно в эти первые несколько дней. Беспокойство и неуверенность связали нас воедино.

После того как мои родители отнесли вещи в мою пустую комнату и сопроводили меня в столовую, я оказалась в одиночестве. Я никого не знала; в комнате я жила одна. Это напомнило мне первый день в детском саду. Туда меня привезла мать, и ее запах остался в воздухе даже после того, как она ушла. Она пользовалась духами, запах которых неразрывно связан у меня с детством – каждое воспоминание пронизано этим ароматом. Я сидела за одним из маленьких общих столиков, тихая и спокойная, в то время как другие дети в группе паниковали, плакали и кричали, закатывали истерики. В колледже было примерно то же самое, не считая этих «показательных выступлений». Ведь теперь все были почти взрослыми и умели скрывать свой страх – но он грыз их изнутри, и я видела в их глазах такую же панику. Все они гадали, подружатся ли с кем-нибудь, найдут ли себе место среди тех, с кем предстоит провести следующие четыре года своей жизни.

Я смотрела на блестящую новенькую столовую – ее строительство было завершено только к концу лета, – и стеклянные стены отбрасывали мне в глаза теплые блики. Приклеенные с обратной стороны плакаты рекламировали различные студенческие клубы и спортивные мероприятия. Я подумала о своих родителях, которые, наверное, уже пересекли границу Мэна и Нью-Гэмпшира, с разрешенной скоростью ведя машину по шоссе 95 к Бостонскому аэропорту. Отец, скорее всего, был за рулем, а мать смотрела в окно на мелькающие мимо деревья, гадая, скоро ли поворот.

Первым я познакомилась с Джоном – еще до того, как все остальные вошли в мою жизнь в Хоторне. Все с первого же дня считали меня лучшей подругой Руби,

ее вечной спутницей. Я не спорила с этим. И кроме того, люди тянулись к Руби, а не ко мне; ее каштановые волосы, стянутые в упругий «конский хвост», и задорная улыбка привлекали всех. Все хотели быть поближе к такому совершенству. Люди полагали, что она выбрала меня в друзья, каким-то образом заметив среди целой толпы девчонок. Но на самом деле это я выбрала ее.

Столовая была набита студентами-новичками, кое-кто протискивался мимо в поисках свободных мест. Я стояла неподвижно, оценивая, какие варианты у меня есть. Студенты представлялись друг другу, рассказывали о том, как провели лето. Я еще не решила, на какое место сесть. Что-то важное начнется не раньше чем через несколько минут. Я могу взять себе кофе в киоске снаружи. Повернулась на каблуках и вышла, тоскуя по открытому пространству и свежему воздуху.

– Холодный кофе, – сказала я бариста, стоящей за прилавком. Она выглядела старше меня; должно быть, это была ее подработка в кампусе. Третьекурсница, наверное. – Черный, пожалуйста.

– То же самое, – произнес голос позади меня. Я оглянулась через плечо, и мне пришлось посмотреть вверх, чтобы увидеть лицо обладателя этого голоса. Обычно я редко чувствовала себя настолько низкорослой.

Ясные голубые глаза взирали на меня сверху вниз. Он улыбался очаровательной хитрой полуулыбкой, лицо у него было красивое, из-под бейсболки торчали густые белокурые волосы. Я снова повернулась к бариста, быть может, слишком поспешно. Она тоже смотрела на него, пока он не кашлянул, – и тогда протянула нам по стакану с кофе.

– Я плачу, – заявил он и, прежде чем я успела запротестовать, протянул через прилавок четыре доллара.

– Э-э... ну... – промямлила я. – Спасибо. В этом действительно не было необходимости.

– Нет проблем, – отозвался он. – Держи друзей близко. А врагов – еще ближе, правильно?

Я смотрела на него в замешательстве. Губы его изогнулись в озорной улыбке.

– Стикер, – сказал он, указывая на мою сумку. – «Тексанс»? – Указал на свою бейсболку. – А я болею за «Джайантс»[1 - «Хьюстон Тексанс» и «Нью-Йорк Джайантс» – футбольные клубы (американский футбол).].

Я посмотрела на свою сумку. Мой отец прилепил этот стикер на нее после того, как прошлой зимой «Тексанс» выиграли два раза подряд. Это было круто, потому что обычно они проигрывали с разгромным счетом. Отец был в восторге, сиял, как мальчишка. Я не видела его таким со своих детских лет, поэтому не стала сдирать стикер с сумки, боясь, что его лицо снова станет горестным.

– Верно. «Тексанс», вперед! – ответила я. – Но не думаю, что твоей любимой команде что-то особо грозит.

– Ну, никогда не знаешь, а вдруг в команду попадет хороший игрок? – отозвался он, подмигнув.

Разговаривал он в расслабленной, подростковой манере. Чуть врасстяжечку, с теплыми интонациями. Я слегка улыбнулась, надеясь, что эта улыбка выглядит милой и благодарной. Но на самом деле я была в раздражении. Я ненавидела быть перед кем-то в долгу. Особенно перед такими парнями, которые – я уже точно это знала – дадут мне какую-нибудь милую кличку и, встретившись со мной, будут здороваться по-приятельски. Или вскинут ладонь, предлагая мне хлопнуть по ней, или выставят кулак – мол, стукнемся? – и заранее никогда не угадаешь. Я предпочла бы купить себе кофе сама.

Он придержал передо мной дверь в столовую, и я проскользнула внутрь, спеша уйти подальше, чтобы нам не пришлось продолжать разговор.

– Джон! – окликнул его кто-то со спины, и Джон-фанат-«Джайантс» отпустил дверь, позволив ей закрыться и разделить нас. Сам он при этом уже лениво пожимал руку другому парню, одновременно хлопая его по спине. Они походили на спортсменов, движения у них были изящные и точные, несмотря на легкую расхлябанность, ощущавшуюся в обоих. Голени у них были загорелыми только частично, граница загара была четко видна. «Американский футбол», – предположила я.

Я встала в очередь за информационными брошюрами для первокурсников, наблюдая за парнями через стеклянную дверь и гадая: познакомились ли они только что или на какой-нибудь игре, а может быть, были знакомы с детства? Было любопытно посмотреть, как люди контактируют друг с другом, посмотреть, как они решают – что сказать, что сделать? Первое впечатление – самое важное. Я считывала язык их тел, отмечала попытки выглядеть беспечными. Тоже попыталась расслабить плечи, но они застыли в постоянном напряжении.

Мы с Джоном встретились глазами, и его губы сложились в двусмысленную улыбочку, которую мне предстояло увидеть еще сотни раз. Он подмигнул, и я быстро отвернулась, притворяясь, будто не видела. Я предпочла бы оставаться незамеченной, но от матери унаследовала безупречную белую кожу и зеленые глаза, черты лица у меня были мягкие и правильные, и сколько бы я ни ела, тело мое оставалось худощавым. Техасское солнце подарило моим волосам золотистый оттенок, несмотря на мое желание быть безликой и безымянной.

Я отвернулась, но все еще чувствовала на себе его оценивающий взгляд. Смех Джона доносился до моего слуха, когда другие студенты входили в столовую, и обрывался, когда они закрывали дверь за собой.

Было в нем нечто знакомое – в том, как он улыбался, в том, как хотел сделать мне что-нибудь приятное, в цвете его кожи и волос. Сглотнув, я прогнала прочь это воспоминание.

* * *

– Те, с кем вы подружитесь в эту неделю, станут вашими друзьями на всю жизнь.

Я слушала девушку, выступавшую перед нами, но мои ноги зудели от желания двигаться. Я никогда не умела долго сидеть на одном месте и уже страшилась того, как долго будет тянуться вводное собрание. Я не понимала, почему мы просто не можем прочитать брошюру о Хоторне и пойти по своим делам. Я жаждала уроков, расписания, учебной рутины. Я надеялась, что нас не заставят выполнять упражнения для сплочения команды.

Девушка, сидевшая слева от меня, обдирала заусенцы. Я смотрела, как она указательным пальцем оттягивает воспаленную кожу на большом. Тянет,

царапает, подцепляет. Она повторяла это до тех пор, пока кусочек кожи не шлепнулся на пол.

– По сути, просто не надо ужираться в хлам, ладно, народ? – сказала выступавшая перед нами девица. – Мы обычно называем это «приятно погудеть».

Несколько моих сотоварищей засмеялись. Я задумалась о том, что администрация, вероятно, решила: если про правила употребления алкоголя и наркотиков нам расскажет кто-то из старших студентов, это окажется доходчивее. Похоже, их план сработал.

Я уставилась на верхушки сосен, выделявшихся на фоне затянутого дымкой летнего неба. Вдали я различала шпиль часовни и покатые крыши кирпичных учебных корпусов. Эдлтон, штат Мэн – идиллическое местоположение для маленького колледжа гуманитарных наук; он примостился среди лесов, где росли в основном клены, сосны и дубы. Когда за год до окончания мною старшей школы мы с отцом приезжали сюда на обзорную экскурсию, экскурсовод рассказывал нам о небольшом городке, выстроенном вокруг лесопилки, о лесовозах, мчащихся по дорогам и везущих спиленные стволы деревьев для переработки в целлюлозу или в древесные гранулы для отопления, а иногда – в паркетную доску. Отца куда больше интересовала деревообработка, чем Хоторн-колледж, и он настоял, чтобы после экскурсии мы проехали через городок, сфотографировали потемневшие от времени кирпичные здания лесопилки и развалины водяной мельницы, некогда приводившей станки в движение.

Во время экскурсии я подслушала, как еще один потенциальный студент шепотом рассказывает, что местные жители ненавидят студентов, находящихся в привилегированном положении. Несколько лет назад, когда в одном из баров случилась драка, кого-то из студентов пырнули ножом и не доставили в больницу вовремя, и он истек кровью, лежа на тротуаре.

Девушка с заусенцами толкнула меня под локоть, глядя на сидящего перед нами парня. Я проследила за ее взглядом. У парня были невероятно черные волосы, а его смуглая кожа приятно контрастировала с окружающим морем белых лиц. Он играл в «Тетрис» на своем телефоне, ловко орудуя гибкими пальцами. На нем были толстовка с капюшоном и дорогие темные джинсы. Он прочно упирался в пол ногами, обутыми в новенькие высокие ботинки, достигающие до края подвернутых штанин его джинсов.

Девушка шепнула мне на ухо:

- Он - принц.

Я посмотрела на нее; лицо ее лучилось неудержимым восторгом. Глаза сияли, на ресницах комочками собралась тушь. Краешком глаза я оглядела ее с головы до ног. По масти она была полной противоположностью мне. Кожа ее загорела так, словно этот загар никогда не сходил; глаза у девушки были темные, как и волоски на руках. Я гадала, не была ли эта студентка откуда-нибудь из-за границы, скажем, из Индии или Шри-Ланки. Ногти у нее были покрашены синим лаком с трещинами; лицо обрамляли шелковистые черные волосы, постриженные под градуированное каре. Меня удивила ее большая грудь, сильно выделявшаяся на худом теле.

Она подалась ближе ко мне.

- Я слежу за ним в группе в «Фейсбуке». У него целых десять «Ламборгини» или типа того. Он из ОАЭ. Дубай, Абу-Даби или что-то в этом роде... Абу-Даби, по моему. Да. Потому что его отец - тамошний министр финансов. А еще я совсем обнаглела и «нагуглила» про него все, что смогла; только не осуждай меня, ладно? - шептала она с явным британским акцентом.

Богатство никогда особо не впечатляло меня. Я жила в уютном доме, где никогда ни в чем не нуждались, но и не покупали предметов роскоши. Когда-нибудь я хотела заполучить деньги, много денег, но никогда не завидовала тем, кто родился в богатстве. Мне всегда казалось, что с этим связано слишком много разного рода сложностей и ограничений.

- Мы должны подружиться с ним, - продолжила девушка. На лице ее расплывалась маниакальная улыбка.

Ее прямота была удивительной. Она говорила так, словно мы были подругами - «мы должны». Но я ведь даже еще не знала ее имени. Единственное общее, что было между нами, - это то, что мы сидели бок о бок в длинном ряду студентов, устроившихся в одном конце столовой. Она громко вздохнула и откинулась на спинку стула, обвив его металлические ножки ногами, обутыми во «вьетнамки». Я смотрела, как она вытаскивает из сумки пакетик жвачки и предлагает мне

угоститься.

- Как тебя зовут, кстати? - прошептала она.

- Малин, - ответила я. - А тебя?

- Джемма. - Она улыбнулась и сжала мой локоть. - Мы с соседкой по комнате устраиваем вечеринку, ну, понимаешь, типа как отпраздновать приезд. Сегодня вечером, так что приходи обязательно.

- Конечно, - ответила я. - А ты из Англии? - Мысленно похлопала себя по плечу, хваля за продолжение этой ни к чему не обязывающей болтовни.

- Моя мама приехала сюда в семидесятых. Она - американка, а мой отец - пакистанец. В этом-то вся и штука. Они всегда соревновались друг с другом за то, чтобы показать мне свою культуру. Всегда. Сошлись на том, что я должна получить правильное американское образование, потому что оно поможет «сформировать» меня, что бы это ни значило. Я считаю, что и так уже достаточно неплохо сформирована, - сказала Джемма, похлопывая себя по животу и закатывая глаза. - Но на самом деле я не против. Тут есть симпатичные парни. И это лучше, чем на курсах по гигиене полости рта. - Она помолчала, раздумывая о чем-то. - Не то чтобы для меня это имело значение.

Джемма вытащила из сумки свой вибрирующий телефон, просыпав при этом сигареты из пачки на пол, прямо к носкам своих «вьетнамок».

- Наверное, это мой парень звонил, - заявила она, подмигивая.

Несколько минут спустя Джемма сбросила мне на телефон свой номер, и вот так мы с ней подружились.

* * *

Бумажная тарелка, которую я держала в правой руке, накренилась вперед, и сок от омара закапал на подстриженную траву. Я прижала к животу пластиковые вилку и нож. Кто-то врезался мне в плечо, и омар устремился вперед, задрав клешни в небо. Длинноволосая девушка вскрикнула: «Прости!» - и промчалась

мимо меня; голос ее звучал весело и искренне. Я смотрела, как она скрывается среди студентов, стоящих в очереди за едой и напитками.

Я топталась на самой окраине людского моря – студенты сидели на земле небольшими группами, знакомились друг с другом, пробовали подружиться. Я заметила в некотором отдалении поросший травой «пяточок» под высоким деревом. Там будет прохладно, там никто не будет задавать мне вопросов, пытаться понять меня. Но я вспомнила о сделке, которую заключила с отцом, и заставила себя войти прямо в эти людские волны. Уставилась на омара; его мертвые глаза напоминали шарики из черного мрамора.

Раньше я считала, что колледж ничем не отличается от старшей школы, но сейчас была удивлена отсутствием явно выраженных группировок. Никаких чемпионов класса, никаких королей класса, никаких готов или ботанов. Практически все, сидящие у моих ног, были одеты во фланелевые рубашки и простые штаны. Мать предложила, чтобы я надела джинсы и футболку без рисунка, и я заметила, что в подобных вопросах она, как правило, оказывалась права. Почти у всех девушек была простая обувь без каблуков, длинные волосы они стягивали в «хвост» или заплетали в косы. Было похоже, что все пытаются выглядеть одинаковыми, сознательно выбрав некий подвид формы, желая лучше вписаться в коллектив. Я прокладывала себе путь между группами клонов, точно взятых со страниц каталога одежды для отдыха на свежем воздухе и помещенных на газон кампуса.

Я пересмотрела свое мнение. Похоже, тут не было места для меня. Пробираясь вперед, я получила пару жалостливых улыбок, но никто не желал рисковать своим местом ради меня или из-за меня. Наши личности были запряганы глубоко – в надежде на то, что нам удастся сойтись с теми, к кому нас потянет в первый день. Я оглянулась на дерево. Может быть, я смогу отложить это на некоторое время... Мой отец об этом все равно не узнает.

– Э-эй! – раздался позади меня голос. Я не думала, что он взывает ко мне, поэтому продолжила путь. – Эй! Ма-а-алин!

Голос звучал с британским акцентом.

Я оглянулась через плечо – Джемма махала мне рукой, похлопывая ладонью по земле рядом с собой. Я колебалась. Если сяду там, то к этой группе и буду

принадлежать. Я посмотрела на тех, кто сидел рядом с ней, – два парня и девушка. Один из парней сидел спиной ко мне, но я опознала его по широким плечам и светлым волосам. Девушка была броской и красивой, густые волосы были собраны в узел на макушке. Изящная, держится небрежно. Ее взгляд упал на меня, пока я стояла, изучая их группу, и она улыбнулась, вслед за Джеммой начав махать мне рукой.

– Ты выглядела такой потерянной, – сказала Джемма, когда я села, скрестив ноги, между нею и другой девушкой. Я заметила кукурузное зернышко, застрявшее у нее в зубах – блестящая яркая желтизна выделялась на фоне зубной эмали. Я улыбнулась остальным, которые смотрели на меня, вторгшуюся в их круг.

– Это Малин, – представила меня Джемма. Я повернулась лицом к светловолосому парню, что стоял у кофейного киоска. Он многозначительно улыбнулся и протянул руку, взяв мою ладонь и крепко пожав.

– Джон, – сказал он, а потом кивнул на сидящего рядом парня. – А это мой кузен Макс.

– Привет, – ответила я, наклеивая на лицо широкую улыбку.

Мы с Максом на миг встретились глазами, но он ничего не сказал; взгляд у него был отстраненный и мрачный. Макс был не такой накачанный, как Джон, худощавый и не слишком высокий. Темные волосы разделены аккуратным пробором; вероятно, он расчесал их после душа. Сложение у него было вполне спортивное, но не мускулисто-массивное, как у Джона, – это было заметно, несмотря на то что мы сидели. Я была выше его, но я вообще выше большинства людей. У обоих кузенов были ярко-голубые глаза – единственное сходство во внешности.

Джемма указала на вторую девушку, все еще улыбающуюся мне.

– Моя замечательная новая подруга Малин, познакомься с моей не менее замечательной соседкой по комнате – Руби, – сказала она, улыбнувшись нам обеим. Ей нравилось вот так знакомить нас, словно мы все должны были проникнуться благодарностью к ней за посредничество.

Улыбка Руби стала шире. Зубы у нее были белые и идеально ровные, губы полные. Она выглядела такой юной, что если бы я встретила ее на улице, то приняла бы за ученицу старших классов. Отчасти я помнила, что еще четыре месяца назад мы все были учениками старшей школы, готовящимися к выпуску, – о, этот неловкий и неоднородный промежуток между ребенком и взрослым!

– Привет, – сказала Руби, все еще широко улыбаясь; взгляд ее карих глаз был ясным и открытым.

Я улыбнулась в ответ, не зная, как реагировать на ее радостное дружелюбие. С близкого расстояния стали видны веснушки, разбросанные, словно конфетти, по носу и щекам Руби. Лицо у нее было пропорциональное – живое воплощение «золотого сечения». Природа создала ее идеальной, черты лица были почти зеркально симметричными.

– Значит, это ты сидела рядом с Джеммой на вводной лекции? – спросила Руби. Голос у нее был мягче, чем у Джеммы. Я была признательна ей за то, что она повела эту беседу, потому что сама не знала, о чем говорить.

– Да, мы некоторое время разглядывали принца, – ответила я.

– О боже, Джемма... – простонала Руби, потом наклонилась ко мне. – Ты не говорила ей, чтобы она оставила его в покое? Честное слово, она такая ужасная сталкерша!

– Заткнись! Я не сталкерша, – возразила Джемма, потом достала свой телефон и начала кому-то писать. Не поднимая глаз, продолжила: – Но, знаете, если мы с ним подружимся, вы еще спасибо мне скажете.

Руби заглянула через плечо Джеммы.

– Кому это ты все пишешь? Лайаму? Дай посмотреть.

Джемма улыбнулась и заслонила экран телефона от любопытных глаз Руби.

– Да... Он скучает по мне. Бедняга...

- Кто такой Лайам? - спросила я.

- Ее па-а-а-арень, - протянула Руби.

Джемма ухмыльнулась и положила телефон рядом с брелоком от электронного пропуска.

- Перед отъездом сюда я сказала ему, что нам нужно расстаться, но он настаивал, что нужно попробовать сохранить отношения на расстоянии.

Я спешно постаралась придумать, о чем говорить дальше.

- Так вы сегодня устраиваете вечеринку?

- Да, - ответила Руби, набирая на вилку картофельный салат. - Ты обязательно должна прийти. «Хоторн-колледж и никаких родителей», верно?

Девиз «Хоторн-колледж и никаких родителей» красовался в «Фейсбуке» в разделе «О нашем курсе» вот уже несколько месяцев, в течение всего лета. Я прикинула, что какой-нибудь излишне восторженный студент придумал его, спеша создать эту страницу после того, как получил письмо с уведомлением о принятии его в колледж. При мысли о вечеринке у меня заболела голова. Я уставилась на омара, лежащего у меня на тарелке, потом потыкала его вилкой.

Джон внимательно смотрел на меня.

- Никогда раньше не ела омаров? - спросил он. Все повернулись ко мне, ожидая моего ответа.

- Э-э... нет, - отозвалась я. - В первый раз.

- Это вкусно, - сообщила Руби, макая в масло кусочек белого мяса.

- Откуда ты? Даже эта вот английская королева знает, что делать, - сказал Джон, чуть заметно кивая на Джемму. Та состроила гримасу, будто умение правильно есть омаров делало ее важной персоной, втянула живот и села немного прямее. К сожалению, это лишь заставило ее грудь выпятиться еще

сильнее.

– Из Хьюстона, – ответила я. – У моей мамы аллергия на морепродукты, поэтому мы их никогда не едим.

– А-а, – произнес Джон, придвигаясь ближе ко мне. От него пахло дезодорантом и мылом. Я посмотрела мимо него на Макса, который так ни разу и не заговорил со мной; просто ел, поглядывая на нас.

Джон потянулся за омаром, лежащим у меня на тарелке, и я едва не поморщилась, когда он ухватил огромного рака за усы.

– Начинать с хвоста, – посоветовал Джон, дергая тушку в противоположные стороны. Раздался хруст, и Джон извлек из хвоста омара белое мясо. Потом сжал панцирь в кулаке и раздавил над тарелкой, забрызгав жидкостью Руби и Джемму. Капля водянистого вещества размазалась по моему запястью. Джемма взвизгнула от отвращения и стукнула Джона по мускулистой руке. Он проигнорировал ее и большим пальцем отделил мясо от панциря. Руби повела себя более сдержанно – она лишь молча взяла салфетку, чтобы стереть сок омара со своих кроссовок.

– Потом клешни, – продолжил Джон, запуская серебристую зубочистку в изогнутые клешни омара. Из заднего кармана он добыл металлические щипцы и зажал между ними клешню, выдавив еще немного сока на мою и так промокшую тарелку. Потом с удовлетворенной улыбкой посмотрел на меня. – Добро пожаловать в Мэн.

Я взглянула на него, а потом в черные глаза омара, который сейчас беспомощно лежал на тарелке кверху брюхом. Я видела, что Джон хочет, чтобы я поблагодарила его за помощь, поэтому улыбнулась ему и сказала:

– Круто, спасибо.

Он указал на зеленую массу, которая начала сочиться из туловища омара.

– Это тоже можно есть, оно вкусное.

- Не ешь, - возразила Руби. - Это...

- Дерьмо, - перебила ее Джемма. - В самом буквальном смысле дерьмо. Он тебя разыгрывает.

Джон сел обратно на свое место, где трава уже начала распрямляться, и, опершись на руки, отведенные назад, ухмыльнулся.

- Это и есть самое вкусное. И это не дерьмо. Это потроха.

- Фу, гадость, - заявила Джемма, бросив клешней ему в грудь. Клешня отскочила и упала на землю рядом с его хлопчатобумажными штанами модного лососевого оттенка.

Джон ответил Джемме ухмылкой, и ее щеки зарделись. Мне казалось, что девушке, у которой есть парень, неуместно флиртовать с кем-то еще, но что я знала о романтических отношениях? У меня их никогда не было. Джемма достала из сумки сигарету и прикурила ее, даже не подумав отсесть подальше. Дым забился мне в ноздри, и я подавила позыв к кашлю. Понадеялась, что Руби не курит.

- Откуда вы все друг друга знаете? - спросила я, озадаченная их явно близким знакомством.

- О, - с готовностью ответила Джемма, - мы буквально только что познакомились. То есть сегодня. - Она посмотрела на Джона. - Ну, то есть, я полагаю, Макса он знал и до этого, они же кузены и все такое, а Руби встретила с ними во время предварительного периода. Они все играют в американский футбол. А я с Руби живу в одной комнате. Звучит так сложно, когда я это объясняю!

- И мы общались в «Фейсбуке» этим летом, - дополнила Руби.

- Именно, именно. Так что мы уже вроде как были знакомы, - сказала Джемма, кидая в рот кукурузу.

Я посмотрела на останки омара и поняла, что больше не чувствую голода. Остальные принялись обсуждать семинары, на которые предстояло ходить первокурсникам, но я практически не слушала их. Взяв кусочек холодного упругого мяса, макнула его в пластиковую чашечку с маслом. Я думала обо всех этих мертвых омарах, которых поедали другие студенты. О том, что еще несколько дней назад эти омары счастливо жили на дне океана, не зная, что их жизни будет положен внезапный конец на лужайке перед элитным колледжем. К кому же даже не самым элитным из элитных. Мы относились к отбросам «Лиги плюща» – те, кто не попал в Принстон, Гарвард или Массачусетский технологический. Я гадала, были ли омары в кампусе Гарварда лучше на вкус.

Я смотрела, как Руби прижимается коленом к ноге Джона с фамильярностью, свойственной скорее для близких отношений, – и этот момент я испортила тем, что увидела его. Другие смеялись над чем-то, но я сбивала их настрой, наблюдая, как взгляд Джона перебегает с меня на колено Руби и обратно. Я знала, что он пытается понять меня, найти способ понравиться мне. Вероятно, Джон гадал, почему я не заигрываю с ним, как две остальные девушки из нашей компании. Я отвела глаза прежде, чем Руби заметила наш с ним обмен взглядами. Я надеялась, что это сборище закончится как можно скорее.

Глава 2

День Выпускника

Для всех остальных сегодняшней день – День Выпускника – практически традиция. Это суббота в середине зимы, когда по утрам Хоторн кажется сонным и уютным. Я все еще не понимаю, почему этот день нельзя устроить весной, когда настанет тепло и мы сдадим все экзамены. Полагаю, что тот, кто придумал День Выпускника, просто отчаянно заскучал к середине зимы и решил найти повод для того, чтобы пить и праздновать целые выходные.

В полдень мы выстраиваемся перед зданием столовой, откуда начинается обход корпусов, который ведет через дома, стоящие за пределами кампуса и украшенные каждый в своей тематике. Заканчивается этот обход прыжком в замерзшее озеро. Другие курсы смотрят на нас со стороны, попивая крепкий

алкоголь из пластиковых бутылок из-под воды.

Вечером мы посетим Бал Последнего Шанса в старом спортзале, прозванном Клеткой. Этот бал только для выпускников, но обычно горстка особо ретивых первокурсников ухитряется проникнуть туда. Весь этот день, вся эта традиция, неким образом санкционируется и даже организуется администрацией колледжа. Это позволяет местному директорату выглядеть прогрессивно в глазах потенциальных студентов, к тому же им все равно нужно нас чем-то занять, раз уж нам приходится жить в этой глуши.

Мне плевать на эту традицию. Меня интересует то, что происходит под крышей дома, который я делю с пятью своими друзьями. Все начало идти как-то вкривь и вкось. Сейчас мы должны крепче прежнего держаться друг за друга, а не разбредаться в стороны. Но вместо этого мы находим то, что нас разделяет. Нужно как-то вернуть прежнюю ситуацию, когда мы все время были вместе и нам было легко друг с другом. Мы дружили все эти три года, и я не собираюсь допустить, чтобы в последние несколько месяцев эта дружба распалась. Мне нужны эти люди, я полагаюсь на них. И в настоящий момент меня волнует только то, как решить возникшую проблему.

Этим утром, пока мы готовились ко Дню Выпускника, я сидела на полу, привалившись к кровати Руби. Ее комната расположена в дальней части дома и отделена от моей тонкой стеной. Комната Джеммы в другом конце, с видом на кампус. Этим домом владеет Халед – «принц», как мы когда-то называли его. Именно Джемма заманила его в нашу дружескую компанию еще на первом курсе. Ей нравится думать, что мы живем в этом доме благодаря ей, и она открыто напоминает нам об этом факте.

Халед живет в самой большой комнате на первом этаже, а Джон и Макс – в двух комнатах поменьше с другой стороны от кухни. Парни редко поднимаются наверх, уважая наше «женское пространство». Не считая Джона. В последнее время я слишком часто слышу его голос, едва приглушенный стеной. Все наши сокурсники постоянно отмечают, как нам повезло – жить в недавно отремонтированном доме, всем вместе. Мы называем этот дом «Дворцом». Он наш, и только наш. Большинство студентов живут в небольших комнатках в общежитии или снимают старые домики на окраинах кампуса. Нам повезло, я это понимаю, однако не ощущаю себя везучей.

В это утро Джемма и Руби уделили много внимания выбору своих нарядов, состоящих из самых облегающих и ярких спандексовых вещей, какие они смогли найти. Я надела спортивные шорты и свитер с эмблемой Хоторна, сразу ощутив, как ужасно мерзнут мои голые ноги. Смотрела, как Джемма поспешно красит ногти, оставляя неаккуратные мазки вокруг неровно обрезанной, воспаленной кутикулы. Волосы ее были покрашены в синий цвет – «ради духа колледжа», как она объяснила. Мы с Руби не сказали ничего, однако переглянулись, и в головы нам пришла одна и та же мысль: «Очередная попытка привлечь внимание».

Руби дополнила свой наряд юбкой-пачкой – потрепанной черной пачкой, которая была отличительной меткой нашей группы, с тех пор как на первом курсе мы участвовали в танцевальной вечеринке в стиле восьмидесятых. Руби откопала эту юбку в корзине с уцененными вещами в «Гудвилле» и каким-то образом превратила ее в еще одну хоторнскую традицию. Я содрогнулась, подумав о том, в скольких пропавших по?том вечеринках и ночных прогулках в «Гриль» участвовала эта юбка. Как-то раз Джемму даже стошнило на нее. Эта пачка сопровождала Руби едва ли не на каждое мероприятие в течение всей нашей учебы в Хоторне – тотем, символизирующий ее жизнерадостную натуру.

Если бы кто-нибудь взглянул на нас сквозь замерзшее окно второго этажа в это утро, он, наверное, подумал бы о том, как живописно мы смотримся втроем. Лучшие подруги, готовящиеся к главному дню своей студенческой жизни: Дню Выпускника. Девушки, которым через несколько месяцев предстоит закончить колледж и которые в восторге от того, что еще на шаг приблизились к взрослой жизни. Готовые до последней капли испить нектар дружбы, насладиться каждым драгоценным моментом.

Вероятно, этот наблюдатель позавидовал бы нам, нашей юности и близости. Позавидовал бы нашему счастью.

Позавидовал бы лжи.

* * *

Джемма стоит у костра с сигаретой в одной руке и стаканом горячего шоколада в другой, болтая со своими приятельницами по театру. Одета она в мешковатые спортивные брюки с эмблемой Хоторна, на ногах у нее растоптанные угги, а вокруг туловища плотно обмотано полотенце. Я оглядываюсь в поисках Руби, но

она ушла с Джоном и остальными – взять еще горячего шоколада и смешать его с виски. Это мой шанс.

– Привет, – говорю я, подходя к Джемме. Жар от костра щиплет мне нос и щеки. Джемма смотрит на меня, улыбается и щелчком отправляет сигарету в костер. Она знает, что я ненавижу табачный дым. – Можно с тобой поговорить? – спрашиваю я, стараясь придать голосу встревоженные интонации, чтобы дать ей понять: речь пойдет о чем-то важном и личном.

– Конечно, – небрежно и почти беспечно отвечает она.

– Я довольно давно хотела об этом сказать... – Я медлю, пытаюсь принять неуверенную, беспокойную позу – так, чтобы Джемма видела это. Но она смотрит на меня, озадаченно щури черные глаза.

– С тобой всё в порядке?

– Наверное. – Делаю паузу ради пушного эффекта и пинаю носком ботинка комок смерзшейся земли. – Я волнуюсь за Руби.

Джемма любит драмы; в конце концов, ее основное направление – сценическое искусство. И на сцене, и вне сцены она склонна к драматическому поведению.

– Она ведет себя очень странно, – начинаю я, тщательно подбирая слова. – Не хочу говорить ни о ком плохо, но в последнее время Руби какая-то злая; понимаешь, о чем я?

В глазах Джеммы вспыхивает огонек осознания. Я знаю: она понимает, что я имею в виду. Руби нарычала на нее на прошлой неделе, когда мы ехали на гору Баттернат, чтобы покататься на лыжах. В итоге, когда GPS потерял сигнал, мы ехали двадцать минут не в ту сторону. Джемма твердила, что мы пропустили нужный поворот, но Руби отказалась возвращаться. Я ничего тогда не сказала, хотя отлично знала, что Джемма права. Когда навигатор снова заработал и велел нам развернуться, Джемма предложила помочь Руби с ориентировкой на местности. И та холодным злобным тоном ответила: «О боже, ну, извини. Если ты так хорошо знаешь дорогу, может, отвезешь нас домой?» Только вот раскаяния в ее голосе не было ни капли. После этого мы включили радио и в конце концов добрались до горы.

Сейчас я сосредотачиваю внимание на Джемме, надеюсь, что смогу ткнуть в нужные точки.

– У меня такое ощущение, что Джон собирается порвать с ней. Она в последнее время стала отстраненной и вечно с кем-то флиртует – с другими парнями... И он это видит. Мне его жалко.

Глаза Джеммы становятся чуть больше.

– В любом случае, – продолжаю я, – если они расстанутся, то до самого выпуска она останется в дурацком положении, и все в нашей компании примут чью-нибудь сторону, ее или Джона, и это окажется жутко неловко. Я имею в виду – мы же живем в одном доме, все шестеро... И куда нам деваться друг от друга?

– Да, верно, – соглашается Джемма. Она смотрит на свои пальцы, принимается изучать обкусанные ногти, крепко сжимает в кулаках край полотенца. Ветер меняет направление; пепел кружится вокруг нас, полотенца хлопают, пытаюсь улететь.

– Не знаю, – говорю я. – Не думаю, что он станет обманывать ее или что-нибудь в этом духе, но если что-то и произойдет, то, скорее всего, именно сегодня. Я имею в виду, он дальше не станет терпеть, понимаешь? Наверняка напьется и сделает какую-нибудь глупость. Как тебе кажется? Вы с Джоном ведь по-прежнему тесно общаетесь, так? Я думаю – может быть, ты сможешь ему что-нибудь сказать? Убедиться, что с ним всё в порядке, узнать, не хочет ли он с кем-нибудь поговорить... А я поговорю с Руби о том, что с ней происходит.

– Я? – встревоженно отвечает Джемма. Но я чувствую под ее тревогой за Руби намек на радостное волнение. – Ты думаешь, именно мне следует с ним поговорить?

– Да. Я имею в виду, он всегда говорил, что ты – его лучший друг среди девушек, – поясняю я. Мелкая ложь. – Я думала, это очевидно.

Щеки Джеммы вспыхивают, уголок губ подергивается. Она чувствует себя особенной, избранной. Она и есть избранная – по крайней мере для этой задачи.

– Ладно, – отзывается. – Я поговорю с ним. Нет проблем, солнце, я справлюсь.

Из-за костра появляются остальные и направляются к нам. Я внимательно смотрю на Руби. Она изо всех сил старается выглядеть радостной, но я слишком хорошо ее знаю. Промокшая юбка висит у нее в пальцах, капая озерной водой на дорожку. Руби и Макс держат в руках исходящие паром стаканы с горячим шоколадом, а Джон и Халед шагают между ними, передавая друг другу косяк и высматривая, не покажется ли кто-нибудь из преподавателей.

– Ничего не говори, – шепчу я Джемме.

Она кивает, подтверждая. Очень серьезно и искренне, признательная мне за то, что я чем-то поделилась с ней. Я знаю, что сейчас она чувствует себя ближе ко мне, чем когда-либо прежде, – ведь все эти годы Джемма не была нужна мне ни для чего. Она всегда была готова угодить, отчаянно хотела быть полезной. И я знаю правду о Лайаме, потому и уверена: она сделает все что угодно, лишь бы подобраться поближе к Джону. Я знаю, что должна испытывать к ней сочувствие – и испытывала бы, будь все иначе. Но я вспоминаю, зачем делаю это, и мысль о жалости испаряется из моей головы.

– Привет, – говорит Халед, одаряя нас своей извечной широкой улыбкой. Он держит в руках надувную куклу, лицо которой застыло в неизменно удивленном выражении. – Дениза справилась отлично.

– Я думаю, что Денизе нужен перерыв, – отвечает Джемма. – Ты ее сегодня совсем заездил.

Они смеются вместе. На третьем курсе в нашем доме устраивали хеллоуинскую вечеринку, и кто-то забыл надувную куклу. Никто не знал, кто ее принес, и Халед решил, что мы оставим ее себе. Он назвал ее Денизой, и она целыми днями торчала в окне гостиной, глядя, как мы приходим и уходим. В своем профиле в «Фейсбуке» Халед повесил фото, на котором он стоит, обняв Денизу одной рукой за пластиковые плечи, и оба смотрят в камеру с одним и тем же озадаченным выражением лица.

Джемма берет у него косяк, и они завязывают беседу. Она посматривает на меня понимающим взглядом, зная, что должна хранить в тайне то, что я ей поведала.

Чувствую, как Джон касается моего плеча, замыкая круг у костра. Он смотрит на меня, я смотрю в ответ. Мы уже несколько недель избегаем друг друга. Сегодня он должен вести себя соответственно, иначе мой план не сработает.

Телефон, который я держу в руке, жужжит. Переворачиваю его и смотрю на экран. Новое сообщение от Х. Я открываю его.

Нам нужно поговорить. Хватит притворяться, что ты в порядке. Позволь мне помочь тебе.

Я выключаю телефон и крепко прижимаю к груди.

Мне пришлось солгать Джемме. Проблема – та тяжелая, липкая проблема, которую мне приходится держать в себе, – гораздо хуже. Это не вопрос общественного статуса Руби или будущего нашей компании. Это куда более серьезная проблема, но подобные вещи нельзя доверять таким людям, как Джемма.

Глава 3

Первый курс

Пока я шла через кампус, моя кожа сделалась липкой от сырости. Я предпочитаю холод, морозный воздух дарит мне покой и ощущение комфорта. В это время года в Техасе все еще жарко, в отличие от Мэна. Мэн. Мой новый дом. На мне были черные джинсы и шелковый топик с узкими лямками. Джинсы сидели в обтяжку, а лопатки были выставлены на всеобщее обозрение в синем вечернем свете.

Джемма и Руби жили в одном из самых больших общежитских зданий в кампусе. По кирпичным стенам карабкался плющ, из распахнутых настежь окон доносилась музыка. Разные мелодии, сталкиваясь в воздухе, спорили за внимание проходящих мимо людей. Диссонанс их в каком-то смысле был даже приятным. Это и означало учиться в колледже – идти в будний день на вечеринку, где тебя ждут друзья. «Джемма, Руби, Джон, Макс». Я повторяла их

имена, перекачивала на языке. Я поверить не могла, что так быстро познакомилась с ними всеми. Мне нужно было стать для них хорошим другом, чтобы они оставались рядом со мной. Я напомнила себе, что должна быть веселой, спокойной, расспрашивать их о них самих, быть хорошей слушательницей. Быть уверенной в себе, не ныть, понять, что на душе у каждого из них, чтобы в случае необходимости помочь им. Напротив графы «друзья» в своем мысленном списке я поставила галочку.

Несколько парней, сидящих на крыльце, покосились на меня, когда я проходила мимо. Дым витал в воздухе вокруг них, мерзкий запах забил мои ноздри и легкие. Добравшись до верхней ступеньки, я встретилась взглядом с одним из этих парней. Принц. Он широко улыбнулся и вскочил, чтобы открыть передо мной дверь.

- Спасибо, - сказала я, входя в прохладный вестибюль.

Принц просиял. Он был симпатичным - мягкие черты лица, добрые глаза. Услужливый - вероятно, пытается таким образом компенсировать тот факт, что он принц. Оказавшись рядом, я осознала, что от него резко пахнет одеколоном.

- Ты к Джемме? - спросил он, придерживая открытую дверь здания ногой.

Видимо, Джемма уже каким-то образом познакомилась с ним. Может быть, он покатает ее на одном из своих «Ламборгини»...

- Да, - ответила я.

Мы стояли так несколько секунд, оценивающе глядя друг на друга, пока кто-то еще из парней не протянул руку с зажатым между пальцами косяком. Принц оглянулся на него, потом снова повернулся по мне.

- Хочешь затянуться? - спросил он, хитро глядя на меня и явно подзуживая меня присоединиться к ним. Но я не собиралась быть единственной девушкой среди нескольких парней. Я знала, какая репутация бывает у таких девушек; это явно не то, что мне было нужно.

- Нет, спасибо, - отказалась я.

– Ну и ладно. Увидимся, – отозвался принц и снова уселся на верхнюю ступеньку.

Дверь захлопнулась за мной. Я начала подниматься по лестнице, выложенной плиткой, мои шаги эхом разносились по старому зданию.

– О боже, привет! – взвизгнула Джемма, когда я возникла на пороге ее комнаты. Ее дыхание пахло фруктами и алкоголем. Жидкость в красном пластиковом стаканчике, который она держала в руке, плескалась, проливаясь на пол, но Джемме, похоже, было все равно.

Дверь из комнаты в длинный коридор распахнута, воздух горячий и влажный от пота, которым пропиталась одежда собравшихся. Музыка играла так громко, что я едва расслышала приветствие Джеммы. Басовые вибрации отдавались сквозь пол мне в ноги и наполняли коридор, где толпились студенты-первокурсники. Я намеренно пришла позже, желая уклониться от пустой болтовни, неизбежной перед началом вечеринки. С облегчением увидела, что большинство ребят уже нашли себе занятие. Одна парочка уединилась в дальнем конце помещения, руки парня шарили под блузкой девушки.

Я протянула Джемме упаковку с шестью банками пива.

– Я с подарком.

– Где ты это добыла? – спросила она. – Нам пришлось заплатить старшекурснику, чтобы он сегодня купил нам бутылку. Полный абсурд! По-моему, его комиссионные были больше, чем цена самой водки.

– Отец оставил перед отъездом, – сказала я и пояснила, заметив ее изумленный взгляд: – Он предпочитает, чтобы я разживалась выпивкой легально.

– А он не дурак, – заметила Джемма, таща меня через плотную толпу. – Надеюсь, я скоро добуду фальшивые доки. Вот ведь ерунда: в Лондоне я могу законно покупать алкоголь, а здесь – нет... Свободная страна, мать ее, – бросила она через плечо. Когда мы пробрались в угол ее комнаты, взяла пиво и сунула его в маленький холодильник, забитый спиртным и энергетиками.

Комната Джеммы и Руби была тесной, одна радость – потолки высокие. Стены были увешаны постерами, вдоль стен стояли нераспакованные коробки с вещами и чемоданы. На них плотным рядком сидели студенты, держа в потных руках банки с пивом и стаканчики с водкой и джином. Мы протолкались к дальней стене – там из большого окна открывался отличный вид на четырехугольную площадку-двор между зданиями. Дорожки были освещены старомодными уличными фонарями, по брусчатке туда-сюда группами прогуливались студенты.

Руби примостилась на подоконнике, смеясь чему-то вместе с Джоном. Его голова с пшенично-желтой шевелюрой была склонена вплотную к ее голове, едва не соприкасаясь – инь и ян. Он шепнул ей что-то на ухо, а потом пошел прочь, выделяясь ростом среди толпы. Все, мимо кого он проходил, смотрели на него снизу вверх. Девушки явно жаждали познакомиться с ним поближе, а парни выпрямляли спины, стараясь хоть немного сравняться с ним в росте.

Я оглянулась на Джемму, чья улыбка увяла при виде сцены, разыгравшейся у окна.

– Так это Джон, верно? – спросила я. – Я все еще стараюсь запомнить всех.

Джемма кивнула и посмотрела на меня, словно только что вспомнив о моем присутствии рядом.

– А его кузен – Макс, он пониже и потемнее. Ужасно милый, но слишком низкий для меня, – рассеянно ответила она, окидывая взглядом комнату и кусочек коридора, видимый сквозь дверь. Я не была уверена, что она шутит. Сама Джемма ростом была вряд ли выше пяти – футов.

– Ха, – продолжила она, – а его все еще нет. Странно. Они с Джоном, похоже, не особо дружат, но Руби говорит, что они всегда вместе. Джон – он как восторженный щенок золотистого ретривера, а Макс... ну, вот в том-то и дело. Ничего на ум не приходит, абсолютно ничего. Мне кажется, он ужасно скучный. Даже объяснить не могу, сама увидишь.

– Мне тоже так показалось во время того разговора об омаре, – сказала я, вспомнив, что Макс даже не заговорил с нами.

– Малин! – крикнула Руби, маша мне рукой. Когда мы подошли ближе, она окинула меня взглядом, потом сжала в объятиях. Я начала осознавать, что в колледже мне придется привыкать к тому, что «обнимашки» тут – самое обычное дело.

– Мне нравится твой прикид, так шикарно... – Руби дотронулась кончиками пальцев до шелка моего топака. Я уже была привычна к неискренним девичьим комплиментам. В старшей школе это было обычным делом: хвалить в лицо и закатывать глаза за спиной. Но Руби была другой. Она говорила именно то, что имела в виду.

Секунду спустя она засмеялась.

– Извини, ничего, что я тебя трогаю?

Я помотала головой и неуверенно улыбнулась ей.

– Хотела бы я тоже так одеваться... Может быть, и буду, если сброшу вес, – заявила Джемма, нервно посмеиваясь между словами.

Я не смогла заставить себя возразить что-либо на ее самокритику, и потому просто выглянула в окно. Я надеялась, что Джемма сочтет, будто я не услышала ее замечание – словно оно выплыло из окна и растворилось среди ярко освещенных дорожек.

Молчание нарушила Руби:

– Да ну, Джем, ты выглядишь шикарно и сама это знаешь.

– Спасибо, детка, – ответила Джемма, потом улыбнулась и потянула за свою блузку, чтобы та не прилипла к телу.

Они болтали так фамильярно, словно уже много лет дружили между собой. Когда в начале лета отец передал мне анкету для поселения, я выбрала одноместную комнату, полагая, что мне так будет проще учиться. Никогда не думала, что соседство может перерасти в дружбу – по крайней мере такую, какую я видела перед собой. Единственное, в чем я была уверена: я не хочу жить

в одной комнате с кем-то, кто мне не нравится. Эта уверенность была настолько сильной, что перевешивала возможность мгновенной взаимной симпатии.

– А почему ты переехала из Техаса в Мэн? – спросила меня Руби. Она вскрыла пиво, подцепив ключ на крышке розовым ногтем, и протянула мне запотевшую банку.

Я не знала, почему Руби хочет общаться со мной. В старшей школе я всегда была одиночкой. Я знала, что достаточно красива, определенно умнее всех остальных, и хотя парни еще в предвыпускном классе отказались от попыток пригласить меня на свидания, я легко могла бы войти в число популярных девушек. Но я не хотела и пытаться. Принужденные разговоры утомляли меня, и у меня не было ничего общего с другими учениками. Я любила сидеть в одиночестве и читать. Я знала, что это вызывает у моих родителей бессонницу и головную боль. Я представляла, как они шепчут друг другу в темноте: «Ей нужны друзья». Я уже давным-давно не разговаривала с ровесниками, полагая, что все предпочитают вести себя так, словно меня не существует. Но сейчас передо мной были две девушки – живые, настоящие девушки, – которые хотели подружиться со мной.

Прежде чем я успела ответить, вмешалась Джемма:

– Ух ты, а я и не знала. Прикинь, ты выглядишь совсем по-нью-йоркски. Как в черно-белом кино, мне так нравится, и волосы у тебя прямые и светлые, всегда хотела себе такой платиновый оттенок... И при этом ты из Техаса? У тебя даже акцента нету, ты и гласные не растягиваешь – ты можешь сказать «ла-а-адно»? – Она говорила быстро и певуче, я едва успевала следить за смыслом ее речи. Ей нравилось быть в центре внимания, быть вожаком стаи.

Я улыбнулась.

– Мне нравится Нью-Йорк, – сказала я, определившись, на какой вопрос отвечать первым. Обе собеседницы смотрели на меня. – Когда я была младше, мы часто ездили в Новую Англию. Мои родители родом из Массачусетса, ну и я тоже решила... сменить на какое-то время место жительства. И пообщаться с вами, ла-а-адно?

Обе засмеялись. Я не упомянула истинную причину, потому что в этом не было смысла. Это не то, что следует объяснять за банкой пива тем, с кем едва успела

познакомиться.

Следующий час мы сидели втроем и разговаривали о том, какие направления обучения выбрали основными для себя: у Руби это была история искусств, а у Джеммы – театр. Они спросили, определилась ли я, и я ответила, что выбрала английский язык для подготовки к обучению на юриста. Мы обсудили то, каким уютным кажется кампус ранней осенью, потом Руби спросила, не хочу ли я в эти выходные прогуляться с ними в яблоневые сады. Я ощутила некоторые колебания со стороны Джеммы, но проигнорировала ее слегка недовольную гримасу и ответила:

– С радостью.

После третьей банки пива все стало каким-то расплывчатым. Я помню, как оценивала про себя Джемму и Руби, спрашивая себя, смогут ли они стать для меня близкими подругами. Меня удивляло, как легко оказалось понравиться им. Я сосредоточилась на том, чтобы быть нормальной и милой. Я целый день могла изображать милую студентку. Говорить приятные вещи, смеяться в нужные моменты, рассуждать о правильных вещах. Я не хотела заходить слишком далеко в эту сторону, но не хотела и быть скучной, поэтому изо всех сил старалась быть в меру общительной.

Джемма была слишком экзальтированной, ее театральная манера общения утомляла, но Руби была идеальной. Она поддерживала беседу, интересовалась всеми подробностями того, о чем мы говорили. Руби нравилась мне – она должна была подойти мне в друзья. Я знала, что мне следует стать более общительной и открытой, больше похожей на Руби, если я хочу прочной и долгой дружбы.

Я была не единственной, кто отметил ее умение общаться. С самого начала она полюбилась всем. Скользила по комнате, приветствуя новоприбывших и представляясь им, передавала напитки и старалась сделать все, чтобы им было весело. Идеальная хозяйка вечеринки.

Было понятно, что все присутствующие хотят быть рядом с Руби – их привлекало веселье и свет, которыми она буквально лучилась, ее безупречная внешность. Парни бросали в ее сторону заинтересованные взгляды, девушки оценивали ее, пытались определить, что будет выгоднее: дружить с ней или соперничать? Все они пришли к одному и тому же выводу: дружелюбие будет более разумным.

Позже в тот вечер мы с Руби пристроились на нераспакованной коробке, хихикая за бутылкой водки. Коробка была неполной, и наши ягодички проминали картонную крышку; прислонившись спинами к стене, мы тесно прижимались друг к другу плечами. Кожа наша была усеяна каплями пота, и я тосковала о кондиционерах, которые дома были повсюду.

Народа в комнате поубавилось, на ногах осталась лишь горстка студентов. Краем глаза я видела, как Джемма болтает с другими девушками, время от времени поглядывая на нас. Она была сердита. Пригласила меня на свою вечеринку, а я весь вечер тусуюсь с ее соседкой по комнате... Люди уже считали нас неразлучными подругами и спрашивали, были ли мы с Руби знакомы раньше. Такой Руби была в самом начале. Открытая книга. Как только ты с нею знакомился, ты по-настоящему узнавал ее. И я была не против проводить с нею время, стать ее лучшей подругой.

– Привет, – произнес голос с другой стороны от меня. Я увидела, как Руби с улыбкой посмотрела туда и ответила:

– Привет. – Голос ее был нежнее, чем секунду назад. Я повернулась и узрела, что над нами стоит Джон с шариком для пинг-понга в руке.

– Играете, вы обе? – спросил он, протягивая шарик.

– Ты проиграешь, – отозвалась Руби, поднимаясь на ноги и понуждая меня сделать то же самое.

Мы вслед за Джоном вышли в коридор. Макс стоял, прислонившись к стене и держа бутылку пива, а с другой стороны раскладного стола стоял принц. На каждом конце стола стояли одноразовые бумажные стаканчики красного цвета, выстроенные треугольником, каждый стаканчик был наполовину наполнен пивом. Пол был покрыт чем-то липким, в воздухе стоял кислый запах спиртного.

Принц оперся о стол, наклонившись навстречу нам с Руби.

– Кстати, меня зовут Халед, – представился он, протягивая руку. – Мы типа как уже встречались.

– Малин, – ответила я, пожимая его руку. Ладонь его была теплой и скользкой от пота.

– Принц? – спросила Руби, отчего мы все уставились на Халеда – алкоголь заставил нас забыть о правилах вежливости. Щеки Руби порозовели. – Извини, я не собиралась давать тебе прозвище.

Халед вздохнул.

– Не волнуйся на этот счет. Так или иначе, мой папаша – важная шишка.

Руби признательно улыбнулась ему.

– А как ты попал в Хоторн?

– Ну, – попытался объяснить он, – я хотел стать хирургом. И записался на программу подготовки в медицинский. – Он помолчал, бросив взгляд на Макса. – Как и Макс, к слову говоря. В общем, мои родители предпочли бы, чтобы я остался в Абу-Даби и получил работу в правительстве, но сказали, что я могу поехать сюда – в Штаты. В Мэн, Миннесоту или на Аляску – только в самые холодные штаты. Они уверены, что я сдамся, не выдержав и одного семестра, и вернусь домой, особенно когда начнутся снегопады. Я человек теплолюбивый.

– Как круто! – восхитилась Руби. – Я никогда не бывала за границей. Ничего, если я спрошу, но ты совершенно не выглядишь...

– Так, как будто я с Ближнего Востока? – довершил Халед.

– Да, – подтвердила Руби.

– Некоторое время я учился в Лондоне – в средней школе. Мой отец был там в командировке несколько лет. Так что я, можно сказать, отчасти вырос там, – объяснил он.

Руби подняла стаканчик, в котором плескалось и шипело пузырьками пиво.

– Тогда за надежду на то, что ты останешься с нами и не решишь в ближайшее время вернуться домой.

Халед улыбнулся и сдвинул свой стаканчик с ее.

– За надежду.

Джон встал рядом со мной и протянул мне шарик.

– Дамы первые, – сказал он. Я посмотрела на мячик для пинг-понга, не понимая, что мне с ним делать, и перевела взгляд на Руби, прося помочь.

– Это «пив-понг», – шепнула она. Должно быть, вид у меня был по-прежнему озадаченный, потому что она чуть слышно добавила: – Кинь его в чей-нибудь стакан; если попадешь, то пьют они, и наоборот.

Я довольно метко кидала шарик в стаканчики. На протяжении пяти минут мы с Руби выигрывали. Джон и Халед выхлебали по пять стаканчиков каждый. Оба маялись обильной отрыжкой, движения их стали замедленными и неуклюжими. Джон постоянно проводил влажной рукой по волосам; в итоге они встали дыбом, светлые пряди топорщились во все стороны.

– Вы нас раскатываете, – заявил Халед, улыбаясь и качая головой. Похоже, он был не против проигрывать.

Держался Халед небрежно, улыбкой приветствуя ребят, проходящих мимо, а с некоторыми даже стучаясь кулаками. Его веселье было заразительным. Я гадала, какие демоны водятся у него внутри – если вообще водятся. Мне были интересны такие люди, на которых, казалось, не давило ничего на свете.

Мы с Руби смотрели друг на друга и улыбались, наслаждаясь своей победой, когда кто-то обхватил меня руками сзади.

– Вот вы где, – раздался пьяный голос Джеммы.

– Привет, подруга, – сказала ей Руби. – Хочешь сыграть?

– Нет, ради бога. Я слишком надралась. – Джемма вклинилась между нами, обняв нас обеих за талии. Джон оглянулся на Макса, наблюдавшего за нами. Он так и не сказал нам ни слова. Его молчание было одновременно интригующим и раздражающим. Я не могла понять: стесняется он или просто считает себя лучше нас. Джон и Макс заговорили о чем-то – я решила, что о футболе. Джон отпустил ругательный комментарий в адрес какого-то игрока, и Макс вполголоса согласился с ним, прислонившись к стене.

– Кто-нибудь хочет поговорить о крикете? – поинтересовался Халед. – Канал на «Ютьюбе» смотрите?

– О чем они разговаривают? – спросила я у Руби. Та снова начала расставлять бумажные стаканчики, наливая в каждый на дюйм пива.

– О футболе. Завтра «Джайантс» играют с «Форти Найнерс»[2 - «Сан-Франциско Форти Найнерс» – американский футбольный клуб.].

– Футбольная фанатка? – заинтересовался Джон.

Халед на этот раз кидал первым и забросил шарик в один из стаканчиков Руби.

– «Пэтс»[3 - «Нью-Ингленд Пэтриотс» – американский футбольный клуб. Один из членов команды – Томас Брэди-младший, упомянутый далее.] до самой смерти, – провозгласила Руби, поднимая стаканчик.

– О-о, – протянул Джон. – Даже не знаю, сможем ли мы теперь быть друзьями.

Руби поднесла стаканчик к губам, скрывая легкую улыбку.

– Дай угадаю. Ты родом из огромных пригородов Коннектикута, носишь одежду от «Джей Крю» и «Патагонии», специализируешься на экономике. Фанат «Джайантс», так?

Джон криво ухмыльнулся.

– Ты еще забыла про дом на Виньярде[4 - Имеется в виду остров Мартас-Виньярд, популярное место летнего отдыха среди богатых американцев. На

остров можно попасть только морем или самолетом.]

Руби бросила шарик, угодив в его стаканчик, и уперлась рукой в бедро.

– Конечно. Пей.

– Крикет? Есть кто-нибудь? Я могу говорить об этом целый день, – напомнил о себе Халед.

– О-о-о, крикет! Мой отец смотрит... – начала Джемма, но Джон вступил в разговор, словно не слыша ее. Она отвернулась, вынужденная проглотить свое недовольство.

– Чувак, ты теперь в Америке, тут не говорят о крикете, – заявил Джон с легкой насмешкой. Халед пожал плечами.

– Не важно, приятель. Это самый лучший спорт.

Джемма смотрела, как Джон и Руби лениво обмениваются шуточками. Казалось, она жаждет добавить что-нибудь о футболе и обшаривает свой мозг в поисках подходящей реплики. Я надеялась, что ей ничего не придет на ум.

– Так ты, должно быть, фанатка Брэди? – спросил Джон у Руби.

Джемма добавила, с трудом удерживая глаза открытыми:

– Он крутой, да?

– Да. И в реальности еще круче. И еще он очень хороший человек, – подтвердила Руби. – Он приезжал в Дартмут в прошлом году, чтобы встретиться с тамошней футбольной командой. И угадайте, кто пролез туда, чтобы пожать ему руку?

Джон и Макс во все глаза смотрели на Руби, впечатленные тем, что девушка может с таким знанием дела говорить о спорте.

Футбол. Я его не понимала. Но продолжала улыбаться; нужно было делать вид, что мне не все равно, хотя бы в какой-то степени. Я сделала долгий глоток тепловатого пива, от которого у меня зашипало в горле.

– Он же подающий, верно? – спросила Джемма. Она привалилась головой к моей груди, веки ее трепетали, норовя сомкнуться. Она была совсем пьяна. Руби коротко ответила ей:

– Распасовщик.

Посмотрев на Джемму сверху вниз, она бросила на меня озабоченный взгляд, словно спрашивая, не следует ли уложить подругу в постель. Мы наполовину волоком транспортировали Джемму к ее кровати, ноги ее тащились по полу. Уложили ее на бок – «на тот случай, если ее стошнит», как сказала Руби. Взяв мусорную корзину, она поставила ее на пол рядом с кроватью Джеммы.

– Так перед тем, как приехать сюда, ты побывала в Дартмуте? – спросила я, сбитая с толку недавней фразой Руби. Та сняла с Джеммы сандалии и бросила к шкафчику с одеждой.

– Да нет, – ответила Руби. – Мой папа там работает. Я выросла в кампусе.

Я поправила подушку под головой Джеммы.

– А что он делает? – спросила я. Мы начали разговаривать шепотом, надеясь, что Джемма уснет, хотя мне казалось, что она вырубилась еще в коридоре. Когда Джемма начала сопеть носом, мы собрали с пола пустые пивные банки; у каждой набралась полная охапка.

Выражение лица Руби стало напряженным. Мне не хотелось, чтобы она почувствовала себя неловко, поэтому сказала:

– Я была в Дартмуте. Там красиво. А наша экскурсоводша не носила обуви.

Руби слегка расслабилась и подтвердила:

– Да, это просто целая компания хиппи. Очень умных хиппи.

Руби снова пришла в хорошее настроение – похоже, это ей удавалось без труда. Я подумала о своем доме – и о том, что не любила вспоминать о нем. Я понимала ее чувства, поэтому не стала давить. Меня уже пугали неурядицы между будущими соучениками – мне нужно было остаться в Мэне.

Руби, сделав круг по комнате, вернулась к Джемме и стала смотреть на нее, склонив голову набок.

– Полагаю, соседи по комнате чем-то похожи на родственников, – сказала она. – Их не выбираешь, но они всегда рядом, и ты любишь их, несмотря на их недостатки.

Несколько секунд мы молчали.

– Ты единственный ребенок в семье? – спросила я.

Руби засмеялась.

– Как ты узнала? По идеализации родственников?

Я ответила ей слабой улыбкой.

– У тебя есть братья или сестры? – поинтересовалась она.

– Ну, вроде как, – ответила я. Меня не спрашивали об этом уже давно. Дома все знали, что произошло, и им не было нужды спрашивать. Это стало темой, которую все избегали, слишком уж неприятно было ее обсуждать. – У меня был старший брат, но он умер.

– Ой... – Руби положила руку мне на плечо, взгляд ее широко раскрытых ярких глаз сделался искренне виноватым. – Извини.

– Ничего страшного. Это было давно.

– У тебя хорошие отношения с родителями? – спросила она.

Я как следует обдумала ответ.

– Больше с отцом.

– Не с мамой?

– На самом деле – нет. После смерти моего брата она замкнулась в себе.

– Должно быть, это было тяжело, – тихо промолвила Руби. – Моя мама... ушла, когда я была ребенком. Меня вырастил папа.

Я смотрела, как она подтыкает одеяло Джеммы, чтобы та не мерзла во сне. Некоторое время мы стояли, смотря, как Джемма дышит, потом выключили свет и закрыли за собой дверь.

После этого мы снова пили пиво, и не знаю, сколько времени прошло, а потом оказалось, что я смотрю вслед Руби и Джону, идущим по направлению к лестнице; его рука лежала у нее на талии. Они пересмеивались и перешептывались, и были уже слишком далеко от меня, чтобы я могла разобрать, о чем они говорят. Кажется, до этого Джон спросил, не хочет ли Руби прогуляться с ним. Ее глаза засияли, и она согласилась, позволив ему увлечь ее по коридору к лестнице.

Халед придвинулся ближе ко мне; его одеколон благоухал лишь немногим слабее, чем в начале вечера. Сейчас этот запах мешался с запахом «травки» и спиртного. Халед вялой рукой обнял меня за плечи и встал рядом со мной так, что мы оба теперь смотрели вдоль по коридору. В обычное время я отпрянула бы от его прикосновения, но знала, что он безвреден. Невинен. Наивен. Обычно я не ошибалась в людях.

– Славная парочка, – сказал он. – Как ты думаешь, они будут по-настоящему встречаться или просто потрахаются?

– Ну-у... – протянула я, не зная, что ответить. – Понятия не имею.

Рано или поздно мне все равно предстояло столкнуться с таким вопросом, как секс. Я знала, что в колледже многие этим занимаются и обсуждают это. Я не

была готова вступить в их ряды – по крайней мере пока. Коридор был пуст, и я обхватила себя руками, чувствуя, как холодный сквозняк овеивает мою кожу. Халед довольно вздохнул, наслаждаясь спокойствием этого мгновения.

– Ну что, – спросил он, – не хочешь пройтись со мной?

Я посмотрела на него. Глаза его были красными от дыма, улыбка была ленивой и многозначительной. В горячем дыхании ощущался можжевельный запах джина. Я сдержала смех.

– Нет, спасибо, я пас.

Халед улыбнулся.

– Ну, я так и думал, что ты не согласишься. Но нужно же было попробовать.

– Будем друзьями? – предложила я.

– Конечно, будем, – отозвался он. – Тебя проводить домой, чтобы ничего не случилось?

Я покачала головой. Я в состоянии была постоять за себя. Халед неуклюже ткнулся губами мне в щеку и заковылял вдаль по коридору, потом, громко рыгнув, начал спускаться по лестнице.

Я задумалась о том, куда ушли Руби и Джон и что они собираются делать. Будут ли они встречаться или просто потрахаются, как сформулировал Халед? Вспомнился тот взгляд, которым окинул меня сегодня Джон, его игривое подмигивание. Мой брат был таким же, только младше, и он, наверное, стал бы очень похожим на Джона, если б у него был шанс вырасти.

А потом я почувствовала, что меня тошнит, и бросилась в туалет, выbleвав все пиво, которое с такой охотой пила до этого.

Техас, 1993 год

В одном из первых моих воспоминаний мне четыре года. Это какое-то черно-белое воспоминание. Мы на озере, я упакована в слишком большой для меня спасжилет. Ветер теплый, ласковый. Я поднимаю руку к небу, чтобы воздух струился у меня между пальцами.

Мы в Северном Техасе, плывем на взятой напрокат моторке. Мой отец ведет ее, стоя за штурвалом и улыбаясь, когда лодка набирает скорость. Волосы его спрятаны под бейсболку. Он выглядит очень высоким. Все выглядят очень высокими. Я – крошечная, мелкая букашка по сравнению со своими родителями и братом.

Когда лодка начинает лететь все быстрее и быстрее, моя мать смеется и сильнее прижимает меня к своей груди. Ее объятия крепкие и полные любви. В этот миг она любит меня. Я зажата между ее колен, мы обе подставляем лицо ветру. Бо, совсем еще щенок, втиснут между мной и бортом лодки, его мохнатые уши хлопают на ветру. Язык у него высунут, на мою рубашку капает слюна. Брат сидит с другой стороны от нас, держась за металлический поручень. Ему шесть лет, он уже большой мальчик.

Прыг. Прыг. Прыг. Наша лодка подскакивает на волнах, поднятых другой моторкой; мы сворачиваем в направлении нашего летнего домика. Ветер становится сильнее, и мне кажется, что он забивает мне рот, мешая дышать. Поток воздуха срывает отцовскую бейсболку, она отлетает далеко назад и падает в воду. Отец корчит забавную гримасу, и мать снова смеется. Я смотрю на своего брата Леви, и он тоже смеется.

Все смеются, смеются, смеются. Я смеюсь с ними заодно, потому что хочу быть такой же, как они.

Это мое единственное счастливое воспоминание о нас. С каждым годом оно выцветает все сильнее и сильнее. То, что когда-то было цветным, стало серым. Поблекший снимок того, каким все было, прежде чем безвозвратно измениться.

День Выпускника

Мы с Руби и Джеммой собираем остальные наши вещи у берега озера, наши волосы остро пахнут дымом от костра; и тут мы слышим странную, неуместную тишину. Она расходится от проруби во льду несколько дальше по берегу. Толпа старшекурсников замолкает, безмолвие окутывает замерзшее озеро. Мы останавливаемся и оборачиваемся в поисках источника этой тишины.

Ее нарушает чей-то голос. Аманда.

На нашем курсе четыреста студентов. Редко можно встретить человека, которого я не видела раньше – на занятиях или на дорожках кампуса, в столовой или на вечеринке. Тощие руки Аманды скрещены на груди, она стоит, наклонившись над прорубью. На ней спортивный лифчик и черные спандексовые шорты, мокрые рыжие волосы стянуты в «хвост». Рыжий и черный цвета ярко выделяются на фоне серого зимнего пейзажа, и волосы у меня на руках снова встают дыбом.

В напряженности Аманды нет ничего необычного – ее увлеченная болтовня, в основном касательно других студентов, в течение четырех лет слышалась по всему кампусу. Помимо всего прочего, она очень громкая, и от алкоголя ее голос делается еще громче. Я уже готова отвернуться и не обращать внимания на происходящее, но вдруг отмечаю странные нотки в ее голосе – сначала неуверенные, почти обвиняющие, затем панические. Она снова кричит, сильнее наклоняется над ледяным краем полыньи, с ее губ судорожным выдохом слетает имя: «Бекка!»

Все толпятся вокруг, плотнее, чем обычно; нарастающее любопытство заставляет их сбиться в единую массу. Над притихшей толпой развевается вымпел, на густо-синем фоне выделяются крупные белые буквы: ДЕНЬ ВЫПУСКНИКА – 2011. Я гадаю, не будет ли этот год тем самым годом, когда администрация колледжа запретит Прыжок, боясь того, что может случиться с пьяными студентами, сигающими в ледяную воду. Удивительно, что этот обычай вообще был разрешен. Выпускники, которые прыгают в прорубь на замерзшем озере, предварительно выхлебав немало алкоголя, явно нарушают все правила

безопасности.

Мое плечо слегка обдает ветерком, когда Джон пронесется мимо нас и мчится вниз по склону к озеру. Он скользит по льду, его высокая крепкая фигура врежется в толпу, не сбавляя скорости. Мы смотрим, как он пробивается к проруби и прыгает. Рука Руби изо всех сил сжимает мое запястье, и мы стоим неподвижно, ожидая, что будет дальше.

– Что за фигня? – спрашивает Джемма, разрушая наш транс. Но потом она замолкает, так и не задав вопрос, который вертится у всех нас в головах. Никто и никогда не погибал во время Прыжка. Предполагается, что это радостное событие. Ритуал, который проходят все выпускники Хоторна.

Секунды тянутся, словно часы. Вода недвижна, не считая нескольких мелких волн, поднятых прыжком Джона, – они лениво плещутся о ледяные края. Джемма прижимается ко мне, выпитое спиртное не дает ей мерзнуть. Она боится – вероятно, за Бекку и уж точно за Джона. Но не позволяет себе проявлять страх, когда рядом Руби. Я оглядываюсь на Руби. На свою лучшую подругу. На оболочку той, кем она когда-то была; за последний год ее «я» истощилось, ее некогда яркая личность стала лишь плоской бледной тенью по сравнению с тем, какой она была в момент нашего знакомства. Я вижу на ее лице непривычно жесткое выражение.

Мне это не нравится. Мне не нравится то беспокойство, которое одолевает ее. Ее рука бессильно висит, другая рука крепко сжимает мое плечо, и я отмечаю, насколько худыми стали ее запястья. Зубы Руби крепко стиснуты, глаза широко раскрыты. Она боится. Боится, что парень, с которым она была четыре года, погиб, оставшись подо льдом. Я гадаю, каково это: испытывать такой страх, чувствовать, как колотится сердце, сжимается желудок, потеют ладони.

Прошло лишь несколько секунд с того мгновения, как Джон нырнул в холодную воду. Хуже всего – эта тишина. Все четыре сотни выпускников затаили дыхание в ожидании. Мы ждем, что Джон и Бекка появятся на поверхности, всплывут, трясая головами и протягивая к нам руки.

Кажется, я первой замечаю это, потому что делаю резкий вдох. Поверхность воды колышется, как будто из-под нее что-то вот-вот должно появиться. Руби разжимает хватку; на коже моего плеча, красновато-синей от холода, остается

белый отпечаток ее ладони. Прежде чем я успеваю что-то сказать, Руби уже мчится по склону к проруби во льду. Она проталкивается через толпу, и все расступаются перед нею, потому что знают, кто такая Руби и почему спешит. Она движется быстро, ее темные волосы и белая кожа кажутся размытым пятном на фоне прозрачного скользкого льда. Мы с Джеммой следуем за нею, пробивая себе путь через тесно сгрудившуюся толпу студентов. Все они гомонят что-то в волнении.

Джон Райт, наш признанный герой, наш Геракл.

Он резким, сильным движением появляется из-под воды и выталкивает Бекку на лед. По сравнению с его богоподобием она смотрится бледно. Слабое, хрупкое птичье тельце. Она хватается ртом воздух быстрыми короткими глотками, словно никак не может перевести дыхание. Должно быть, от резкого погружения в холодную воду все ее тощее тело пришло в состояние паники. Бекка, робкий крольчонок, который при малейшей опасности замирает, не в силах сдвинуться с места. В ее темных глазах читается облегчение.

Аманда сдвигается вдоль кромки льда к тому месту, где Джон помогает Бекке выбраться из воды; опускается на колени, склонившись над прорубью. Неровный лед режет кожу Аманды, и бисеринки ее крови впитываются в скользкую поверхность. Меня всегда удивляла сила ее дружеских чувств. Она много раз проявляла неистовую преданность своим друзьям – словно птица-мать, готовая с небывалой яростью отстаивать свой выводок.

Несколько парней из команды гребцов помогают вытащить Бекку на лед, в то время как Джон подталкивает ее снизу. Одной рукой он опирается на край проруби, второй придерживает Бекку за крестец. Страхует ее, разговаривает с ней, уверяет ее, что всё в порядке; голос у него негромкий и ободряющий. Аманда сгребает Бекку в охапку, прижимает к себе, а потом отстраняет, всматриваясь в ее лицо. Потом спрашивает, всё ли с ней в порядке. Бекка втягивает воздух в легкие. Она выглядит дезориентированной и пристыженной.

Аманда заворачивает Бекку в полотенце и растирает ее руки и плечи, пытаясь не дать ей замерзнуть. Декан факультета, который, вероятно, сильнее всех нас обрадован благополучным исходом дела, кидается к Бекке и поддерживает ее за плечи сильной рукой. Они втроем направляются к медпункту, балансируя на льду, пока не добираются до усеянного сухими водорослями берега.

Руби склоняется к Джону и кладет руку ему на плечо. Он напрягает мышцы и, рывком извернувшись, садится на ледяную кромку. Губы его раздвигаются – он улыбается Руби.

Джон и так-то нравился всем вокруг, а теперь он стал героем. Толпа чествует его, кто-то раздражается неловким смехом, радуясь тому, что ничего серьезного не произошло. Джон встает, обнимает Руби одной рукой и целует в макушку. Руби прижимается к его боку, ее холодная улыбка едва различима. Все смотрят на них, думая о том, как прекрасно они смотрятся вместе. Я – единственная, кто ощущает нерешительность Руби.

Вижу, как Бекка скрывается вдаль, ковыляя через парковку. Аманда идет рядом с ней, держась шаг в шаг с ее неловкой походкой.

Рядом со мной возникают Халед и Макс. Макс молчит, Халед вместе с остальными выкрикивает похвалы Джону. Руки Макса расслабленно висят по бокам, но пальцы сжаты в кулаки. Я кладу руку ему на плечо, призывая сохранять спокойствие; ткань его рубашки задубела от холода. Здесь не место для конфликтов, но я чувствую, что терпение Макса на исходе.

Джемма плотнее закутывается в полотенце, ее дыхание учащается от переполняющих ее чувств. Она испытывает влечение к Джону, ее безрассудная влюбленность смешивается с неутоленной страстью. Джемма замечает, что я смотрю на нее, и отводит глаза, но я знаю, что она сделала всего несколько часов назад. Я наблюдала за ней в доме команды пловцов, когда огни стробоскопа озаряли ее лицо, расплескивая по щекам синие пятна.

Этот взгляд ее глаз...

Я знаю ее тайны.

Глава 6

Первый курс

Вторая неделя в Хоторне укрепила мою дружбу с Руби. Вероятно, за это следует благодарить Аманду. Мне подвернулась удачная ситуация, и я воспользовалась ею. После этого Руби стала считать меня своей лучшей подругой. Она доверяла мне, полагалась на меня.

Я ждала Руби у входа в столовую, прислушиваясь к пisku сканера электронных пропусков, – студенты один за другим шли обедать. Стояла, прислонившись к стене и проверяла электронную почту на своем телефоне. Меня раздражало, что Руби опаздывает. Я всегда приходила вовремя. В моих входящих не было ничего нового, кроме непрочитанного сообщения от папы. Я сделала вдох и открыла его.

Привет, Малин.

Надеюсь, дела у тебя в колледже идут хорошо – мы с мамой каждый день думаем о тебе и скучаем по тебе. Вчера ездили ужинать в «Антонио» и вспоминали о тебе – я заказал курицу пармиджана; уверен, что тебя это не удивит. Напишу тебе коротко, потому что ты наверняка очень занята. Мне хотелось бы знать, как у тебя с учебой, вступила ли ты в какой-нибудь клуб. И, конечно же, я хотел бы услышать о том, завела ли ты новых друзей. Еще я узнавал про студенческую поликлинику Хоторна и уверен, что там тебе смогут посоветовать что-нибудь полезное на тот случай, если у тебя возникнут какие-либо стрессы... Не забывай просить о помощи, когда она тебе нужна. Если ты не обратишься за нею, тебе может стать хуже. И не забывай, что со мной тоже всегда можно посоветоваться.

С любовью – папа.

Я набрала короткий ответ:

Да, я нашла друзей. Клубы – это не для меня. Всё хорошо. Целую.

Слова о полезных советах я проигнорировала. Отец всегда был сторонником помощи извне, но я могла сама позаботиться о себе.

* * *

Мы с Джоном и Руби торчали перед стойкой с пиццей в столовой, выбирая из обширного меню.

– Я собираюсь набрать фунтов двадцать, – заявила Руби, перетаскивая к себе на тарелку кусок пиццы с грибами и колбасой. – Я имею в виду – разве не предполагается, что на первом курсе так и должно быть?

Она слишком много упражнялась и потому никак не могла набрать вес. Ее футбольные тренировки всегда длились не менее двух часов, а каждый ее день начинался с тридцатиминутной пробежки по кампусу. Иногда я присоединялась к ней, и мы бежали в молчании, единственным звуком в утреннем тумане был легкий перестук наших кроссовок по асфальту.

– Меня уже тошнит от пиццы, – сказал Джон.

Он сверкнул в сторону Руби широкой улыбкой и скрылся в направлении стойки с салатами. В Хоторне нам предоставлялось здоровое питание – одно из самых здоровых среди всех учебных заведений в стране, как нам неустанно напоминали. Нам повезло питаться пиццей на пшеничных лепешках, хотя по вкусу они напоминали картон, а соуса всегда было слишком мало.

Руби стояла рядом со мной, пока я брала со стойки кусок пепперони. Мы всегда обедали вместе – это стало нашим обычаем. А перед этим мы обходили столовую, занимаясь «охотой и собирательством». У нас была своя система: сначала стойка с пиццей; а если там не было ничего по вкусу, мы постепенно переходили к «кашам и злакам», а потом к стойке с горячим.

Когда я, держа в руках тарелку, повернулась, прямо передо мной протянулась чья-то костлявая рука, ухватив Руби повыше локтя.

– Руби? – сказала девушка, прижавшая нас к стойке с пиццей. У нее были рыжие волосы, цвета увядающего кленового листа. Позади нее стояли еще две

студентки – обе с длинными темными волосами, обе держали в руках баночки с йогуртом. Я окинула взглядом их лица. Тощие, костлявые. Голодные. Я заметила, как одна из них посмотрела на нашу пиццу, а потом оценивающе взглянула на нас.

Рыжая девушка смотрела на Руби, лицо ее выражало замешательство.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– Аманда, – отозвалась Руби, и в голосе ее слышалась слабая, почти незаметная дрожь. – Я понятия не имела, что ты здесь.

Я внимательно смотрела на двух других девушек. На их лицах читались скука и раздражение. Все в Хоторне казались такими дружелюбными, и мне было странно столкнуться с этими зомби.

– Я подала заявку заранее, – самодовольно заявила Аманда. – Не знала, что ты тоже собираешься сюда. Хотя я слышала, что здесь шикарная программа льгот. Твой отец, должно быть, ужасно горд.

– Угу. Мне дали стипендию за участие в футбольных матчах, – ответила Руби, покраснев. Она не упомянула о том, что тоже подала заявку заранее. Я хотела сказать это вместо нее, но промолчала, не зная, куда свернет этот странный разговор.

Аманда оценивающим взглядом окинула одежду Руби – снизу доверху.

– И выглядишь ты совсем не так, как раньше. Я тебя едва узнала.

– Спасибо, – сказала Руби. Она переступила с ноги на ногу, и ее пицца заскользила по тарелке.

Я переводила взгляд с одной девушки на другую. Неужели Руби не всегда была такой собранной и изящной? Сейчас она выглядела безупречно: блестящие волосы ниспадают на спину, на лице легкий, едва заметный макияж, джинсы красиво облегают фигуру...

– Как твой папа? – спросила Аманда, и на лице ее возникла широкая улыбка. Я не доверяла этой улыбке.

Руби никогда не рассказывала о своем доме. И сейчас к ее щекам прилила кровь, а ноздри едва заметно раздулись.

– У него все хорошо, – почти сердито ответила Руби, потом кивнула на меня: – Это Малин.

Аманда окинула меня взглядом.

– А, привет.

Тон у нее был такой, что мне захотелось сунуть ей в рот грязный носок. Или ломоть хлеба.

– Я Аманда, – продолжила она, с излишней выразительностью произнеся свое имя, и я заставила себя улыбнуться. Впоследствии, в течение почти всего своего пребывания в Хоторне, я буду избегать этой девушки, доказав Руби, что я не только хорошая подруга, но и союзница. – А это Бекка и Эбигейл. – Аманда указала на двух девушек, стоящих позади нее. Потом уперла ладонь в бедро и уставилась на Руби, прикидывая что-то. – Ты сейчас не с Джоном Райтом разговаривала?

Взгляд Руби слегка смягчился.

– Да, с Джоном. А что?

– Так вы с ним знакомы, что ли? – не отставала Аманда.

– Мы дружим. – Руби оглянулась на меня. – Мы все.

– Забавно, что вы уже так тесно сдружились, – хмыкнула Аманда, сминая в пальцах баночку с йогуртом. Глаза у нее слегка выкатились, словно у лошади, рвущейся вперед вопреки натянутым поводьям. – Знаешь, я слыхала, что он типа как бабник, – она фальшиво засмеялась, – но ты, вероятно, уже в курсе этого.

Руби прищурилась и с преувеличенной любезностью ответила:

– Не замечала. Извини, нам нужно поесть. Была рада повидать тебя.

Шагнув прочь, она скрылась в толпе. Исчезла так быстро, что я не успела освободиться из плена этих зомби.

– Э-э... – пробормотала я. – Рада была познакомиться.

Я не хотела разговаривать с этой девушкой дольше необходимого. Но когда направилась вслед за Руби, Аманда ухватила меня за плечо.

– Поосторожнее с ней, – сказала она, глядя мне в глаза, чтобы убедиться, что я расслышала ее.

Я дернула плечом, освобождаясь от ее хватки. Та, которую звали Беккой, слабо улыбнулась, как будто извиняясь, – она словно жалела, что примкнула к этой группе. Бекка была самой маленькой из них троих, и сквозь ее тонкую кожу буквально просвечивали вены. Йогурт она держала обеими руками, и я задумалась, сможет ли она доесть свою порцию. Все три девушки смотрели на меня в ожидании ответа.

Аманда сверкала глазами, готовая порвать Руби на мелкие кусочки прямо здесь, перед всеми; она взглядом призывала меня перейти на ее сторону. Я знала таких девушек. Я знала, как они питаются слабостями других, как ломают друг друга и говорят гадости за закрытыми дверями. Она хотела, чтобы я присоединилась к ним в этом пиршестве. Но я не была такой, как эти девушки.

* * *

– Что это было? – спросила я у Руби, когда мы обе сели за стол. Джон все еще добывал себе еду.

– Ты про Аманду? – тихо уточнила Руби. – Боже... Она меня ненавидит. Мы из одного города, но она всегда ходила в частную школу, так что по-настоящему мы общались только один раз, в летнем лагере. – Руби громко вздохнула и отставила поднос с обедом.

- Вы с ней дружили или что?

Она молчала, решая, следует говорить мне об этом или нет. «Расскажи мне, – хотела сказать я. – Ты можешь мне верить».

- Вроде того. Это долгая история.

Я не собиралась выдавливать из нее эту историю. Если нажму слишком сильно, то могу оттолкнуть подругу.

Руби смотрела на меня, пытаюсь определить, поверю ли я ее словам.

- Она просто ненавидит меня. Я даже не знаю точно почему.

Это был мой шанс доказать, что я могу быть лучшей подругой.

- Ты знаешь, что она тебе завидует?

Я знала, что это классика жанра: именно такие слова девушки говорят друг другу для того, чтобы успокоить. Но в данном случае это могло быть правдой. Было ясно, что Аманда положила глаз на Джона.

Я продолжила:

- Аманде нравится Джон, и она ревнует, потому что Джону нравишься ты. Она тебя опасается.

Глаза Руби заблестели. Ей пришлось по душе то, что сказала я.

- Не знаю... Она богатая, умная и красивая. С чего ей меня опасаться?

- Потому что ты всем нравишься, – ответила я. – Все хотят с тобой дружить. А ведь мы учимся только пару недель. Ты видела, чтобы кто-нибудь пытался подружиться с ней? Нет. Ну, если не считать тех девиц-зомби.

Руби негромко засмеялась.

– Разве можно их так называть?

– Я их так называю потому, что они ведут себя мерзко. И это странно, потому что мы уже в колледже; кому какое дело, кто с кем общается? Мы слишком взрослые для школьных сплетен и подлянок. Нельзя, чтобы ты позволила им унижать тебя, нельзя, чтобы ты позволила им выиграть. – Я вспомнила, как смотрела на них с Джоном, и добавила: – И мне кажется, Джону ты очень нравишься.

Руби слегка улыбнулась при упоминании о Джоне.

– Но все равно, нехорошо так говорить, я не люблю сплетни. Так мы станем ничуть не лучше Аманды.

– Да ладно, – отмахнулась я, потом вспомнила плакат, висевший в кабинете приемной комиссии, и процитировала: – «У каждого своя война». Вот. Мы можем сделать так, чтобы она на какое-то время отстала от тебя.

– Ну да, только вот ее война – стремление быть абсолютной стервой, – вздохнула Руби. Я засмеялась.

– Тебе лучше?

– Да.

Она улыбнулась мне. Я подумала было о том, чтобы спросить о ее отце, но передумала. Я не хотела отвращать ее сразу после того, как нам удалось настолько сблизиться.

Взгляд Руби упал на мои руки. Я гадала, что будет, когда она заметит шрамы. Руби посмотрела прямо на меня и спросила:

– Что произошло?

Я взглянула на свои ладони, испещренные гладкими линиями.

– Когда была маленькой, я упала прямо через стеклянную крышку кофейного столика.

Это была необходимая ложь. Я продолжала рассматривать мои руки, вспоминая, как сочувственно взирали на меня полицейские.

Некоторое время мы молча жевали пиццу посреди обычного шума, царящего в столовой.

– Не говори никому, – попросила Руби. – Ну, про Джона. Про то, что он мне нравится. И не просто как друг.

– Не скажу, – пообещала я. – Я умею хранить тайны. – Это была правда.

– Как ты думаешь, он действительно бабник? Ну, как сказала Аманда? – спросила она.

– Думаю, на него вешаются многие девушки, – ответила я, – и он добрый. Поэтому в ответ флиртует с ними. Это ничего не значит.

Руби вздохнула, медленно жуя пиццу.

– Он не звал меня на свидания. Ничего такого. Может быть, я ему не нравлюсь.

– Неправда, – твердо заявила я, понимая, что следует подкрепить ее уверенность. – Ты ему нравишься. Просто не спеши.

Руби несколько секунд молчала.

– Ты всегда так уверена во всем, – сказала она, пожимая мне руку через стол. – Я очень рада, что познакомилась с тобой.

– Я тоже, – ответила я, хотя ее прикосновение вызвало у меня желание отпрянуть; но я подавила это желание. – И серьезно: если будет нужно, чтобы я кому-нибудь набила морду, скажи об этом.

Руби засмеялась. Пространство вокруг нашего столика словно наполнилось теплом и радостью. Щеки ее порозовели, кожа вокруг глаз собралась мелкими морщинками. Смех ее шевельнул что-то в моей памяти. Я так давно не слышала этого звука и только сейчас осознала, кого напоминает мне Руби, – мою мать.

Глава 7

Техас, 1995 год

Мне было шесть лет, когда я обнаружила, что Леви доставляет проблемы. Мои родители всегда внимательно следили за ним, но я думала – это потому, что он старше и он мальчик. Первый ребенок – любимый ребенок.

В тот день мои родители выглядели усталыми. Всегда красиво уложенные густые белокурые волосы матери были стянуты в неаккуратный «хвост». На лице отца появились морщины, которых раньше не было. Они разговаривали в гостиную приглушенными голосами. Мать сказала мне пойти поиграть, но я не хотела играть, поэтому просто сидела на полу в своей комнате и читала книгу.

Леви заперся у себя. Я прижалась ухом к стене, разделявшей наши комнаты, но ничего не услышала. Бо лизнул мою ступню, и я захихикала.

– Ш-ш-ш, – сказала я ему, – надо сидеть тихо.

Бо завилял хвостом и ткнул мокрым носом мне в грудь. Я зарылась пальцами в ворс синего ковра, Бо прижался ко мне и попытался лизнуть меня в ухо. С ним мне всегда было лучше, что бы ни произошло.

Я слышала голоса родителей – они звучали тихо и глухо, но я все равно могла разобрать слова.

Сначала прозвучал голос моего отца, умоляющий и отчаянный. Мне не нравилось слышать это – мой отец должен быть сильным.

– Селия, он пытался причинить ей вред. Ты видела, что произошло.

– Он ничего такого в виду не имел, он всего лишь ребенок. – Голос матери был слабым, сломленным. – Братья и сестры часто бывают грубы друг с другом.

Язык Бо помешал мне услышать, что было сказано дальше.

На следующий день мы должны были праздновать восьмой день рождения Леви. В углу моей комнаты, за креслом-качалкой, была спрятана пиньята[5 - Пиньята (исп. Piñata) – мексиканская по происхождению полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги с орнаментом и украшениями. Своей формой пиньята воспроизводит фигуры животных (обычно лошадей) или геометрические фигуры, которые наполняются различными угощениями или сюрпризами для детей (конфеты, хлопушки, игрушки, конфетти, орехи и т. п.).] в виде осла. В тот день с утра мы с матерью ездили по магазинам. «Спрячем все, что нужно для праздника, в твоей комнате, дочка, и это будет для него сюрпризом!» Коробки с подарками, завернутые в разноцветную бумагу, громоздились у стены.

Я хотела сказать родителям, что Леви не сделал мне ничего плохого, что я отлично себя чувствую. Я даже не злилась на него. Я не чувствовала боли, не чувствовала ничего. Я не испугалась.

Я хотела, чтобы все опять стало так, как было всегда. Хотела, чтобы отец закончил косить лужайку, а мать снова свернулась в кресле с книжкой в руках и смотрела, как мы играем.

Я не могла перестать думать о том, как смотрел отец. После того как он вытащил меня из бассейна и ужасно крепко сжал в объятиях, он смотрел на меня так, словно я была чем-то страшным. Мне это не понравилось. Когда я снова смогла нормально дышать и перестала кашлять, то сказала ему, что со мной всё в порядке. «Папа, ты видишь, как долго я умею задерживать дыхание?»

Он не обратил внимания на мои слова и уставился на Леви, который все еще оставался в воде. Они стояли так, пока не подбежала мать с телефоном в руке. Она была совсем белой, руки у нее тряслись, а по щекам текли слезы.

«С ней всё в порядке», – сказал мой отец. Он говорил спокойно, но что-то казалось неправильным. Я переводила взгляд с него на мать. Я не знала, почему они ведут себя так забавно.

Это было до того, как мы разошлись по своим комнатам.

Я положила голову на ковер, от которого пахло чистящим средством. Бо свернулся рядом со мной так, что мы оказались нос к носу, и я запустила пальцы в его шерсть, вдыхая его теплый, успокаивающий запах. И крепко обнимала его, пока мы оба не уснули, легко и ровно дыша в унисон.

* * *

Мы с Леви склонились над голым птенцом, солнце припекало наши белокурые затылки. Я посмотрела вверх и заметила птичье гнездо – плетенку из сучьев и листьев. Матери-птицы нигде не было видно; вероятно, она искала еду для своих деток. Я гадала, будет ли она грустить, когда поймет, что одного из ее птенчиков нет в гнезде.

Мы стояли у внешней стены заднего двора, под сенью крепких ветвей, на которых держался наш древесный домик. Весна рано пришла в Техас, и вместе с ней появились птенцы, которые падали с деревьев на улицы и тротуары. Через несколько дней птенцы переставали падать, а хрупкие тела уже упавших куда-то девались за ночь. Я гадала, кто подбирает их и куда они исчезают. Я спрашивала папу, и он сказал мне, что они улетают в птичий рай, но я знала, что это ложь. Никакогорая не существует. Я догадывалась, что их съедают койоты или кот наших соседей – я не раз замечала его с дохлой мышью в пасти.

– Вон там, – указала я. Леви проследил за моим взглядом. Потом поднял острую палочку и потыкал птенца. Тот затрепыхался, потом замер; грудка его ходила ходуном – вверх-вниз, вверх-вниз.

– Он умер? – спросила я.

Леви нажал сильнее, едва не прорвав тонкую розовую кожу.

– Перестань, – сказала я и потянула его за руку. – Мама – доктор. Может быть, она сможет его вылечить.

Леви отбросил мою руку прочь и продолжил тыкать птенца.

– Нет, балда, зверей лечит ветеринар.

– Ну да. Значит, нужно отнести его к ветеринару.

Леви воткнул острый конец палочки в самое мягкое место на теле птенца. Грудь птички перестала двигаться.

– Леви, прекрати, – повторила я.

– Все нормально. Отстань, – сказал он.

Я вздохнула и выпрямилась, смахнув пыль с колен. Обеими руками поправила лямки комбинезона, чтобы они не сползали с плеч. Бо подбежал и лизнул мои пальцы, тяжело дыша от жары.

Я вспомнила, что на день рождения мама подарила мне аптечку. Может быть, там есть что-нибудь, что поможет этому птенцу...

– Я хочу его вылечить, – сказала я. Леви не обратил на меня внимания. Оставив его, я направилась в дом. Холодок от кондиционера обдавал мою кожу, пока я шла до своей комнаты и обратно, к двери, ведущей на залитый солнцем двор.

Я брела по траве с красной аптечкой в руках, Бо держался рядом со мной. Я остановилась, когда увидела, что Леви поднял птенца. Он держал его в руке, сначала осторожно, внимательно рассматривая. Он так близко поднес птенчика к своему лицу, что мне показалось, будто Леви его сейчас поцелует.

Но потом он сдавил сильнее, стискивая кулак, и я ощутила, как невидимая рука сжимает мое горло, выдавливает воздух из моих легких. Леви встал; глаза его были широко раскрыты, в них читалось нечто похожее на облегчение – как будто он сбросил с плеч какую-то тяжесть. В моей памяти вспыхнуло то, что произошло в бассейне, когда его пальцы впились мне в волосы, с силой дернув

вниз. Вода заглушила жужжание газонокосилки. Я не сопротивлялась. Предполагалось, что Леви должен любить меня, защищать меня. Я думала, что это просто игра. Когда он наконец отпустил меня, мое тело всплыло на поверхность, и я стала отчаянно хватать воздух ртом, глаза щипало от хлорированной воды. Именно тогда мой отец рывком вытащил меня из бассейна.

Мы с Леви смотрели друг на друга, но ничего не говорили. Он швырнул птенца в траву и протопал мимо меня, едва не наступив на Бо, а потом скрылся в доме.

Я не стала искать птенчика. Я не хотела видеть его растерзанное розовое тельце. Я неподвижно стояла в течение нескольких минут и ощущала что-то похожее на скорбь – не по убитой птичке, а по тому человеку, которым прежде считала своего брата. Это чувство быстро сменилось чем-то иным. Несмотря на жару, на коже у меня выступили мурашки. Теперь я знала, что Леви хотел причинить мне вред и мог это сделать, и понимала, что мне нужно придумать, как выжить.

Глава 8

День Выпускника

После того как хаос, вызванный несостоявшейся гибелью Бекки в озере, унимается, мы, наполнив желудки печеньем и горячим сидром, стоим у костра на берегу озера. Немногочисленные опоздавшие все еще собираются с духом для Прыжка, их лица выражают боязнь и даже панику. Я вдыхаю воздух с запахом кострового дыма. Мне представляется, как моя семья жарит на огне мармеладки, губы Леви перепачканы растаявшим шоколадом. Я хотела бы открыть глаза и начать все с самого начала, но когда действительно открываю их, то по-прежнему стою возле озера вместе с Халедом, Джеммой и Джоном. Они смеются над чем-то. И я улыбаюсь, притворяясь, будто участвую в разговоре. Но мои мысли с моими родными, в том далеком прошлом, когда я была наивной и ничего не понимала. Я была слишком маленькой, чтобы радоваться своей тогдашней жизни и понимать, что она может закончиться.

– Готовы принять душ? – спрашивает Халед у нас троих.

- Да, и еще как, - отзывается Джемма. - Мне дико холодно.

Совместное принятие душа - это следующий этап традиции. Не полностью обнаженными - в нижнем белье. Все, похоже, предвкушают это с восторгом, и я притворяюсь, будто разделяю их чувства. Голоса в моей голове твердят, что нужно следовать за всеми, притворяться, притворяться, притворяться... Джон заявляет, что в «Паркере», тихом общежитском корпусе первокурсников, будет меньше народа.

Мы уже поднимаемся до половины крутого склона холма, тяжело дыша, когда я оборачиваюсь.

- Погодите, а где Руби и Макс? - спрашиваю, глядя на Халеда и понимая, что не вижу их уже некоторое время. Халед тащит за собой Денизу, ее пластиковая кожа царапает по земле.

Мы с Халедом оборачиваемся и окидываем взглядом холм. Тут и там маячат мелкие группки наших сокурсников, жаждущие поскорее попасть под горячий душ. С этой точки мы видим половину нашего маленького кампуса. Несмотря на зимнее время, он остается красивым и уютным - кирпичные здания, широкие дорожки, мягкие перепады высоты. В глубине души мне хочется пойти в библиотеку, уткнуться в книжку и так провести остаток Дня Выпускника.

Халед подталкивает меня в бок.

- Вон там, - бормочет он так тихо, что его слышу только я.

Я тоже замечаю то, что увидел он. Руби и Макс стоят одни возле затухающего костра и, похоже, яростно о чем-то спорят. Я оглядываюсь на Джона и Джемму, которые хихикают, стараясь не поскользнуться на крутой земляной тропинке. Джемма цепляется за локоть Джона и вопрошает его, каково это - быть героем. Мне нужно придерживаться выбранного курса.

- Пойдем дальше, - говорю я. - Наверняка они найдут нас.

Джемма и Джон не обращают внимания на мою реплику; охваченные пьяным весельем, они продолжают карабкаться на холм. Похоже, слишком устали, чтобы

замечать что-либо.

Халед ловит мой взгляд, и я мотаю головой, призывая его хранить молчание. Он не произносит ни слова. Через его плечо переброшена фланелевая рубашка, выпитое спиртное не дает ему замерзнуть.

Я знаю, что он будет молчать – по крайней мере пока.

* * *

Когда мы входим в здание общежития, я сворачиваю к женскому туалету, в то время как все остальные направляются к мужскому.

В туалете кошмарно воняет мочой. Студенты колледжа – просто отвратительные свиньи. Рулон неиспользованной туалетной бумаги валяется на полу; размотавшаяся часть, промокшая и изорванная, тянется под перегородками кабинок, не доходящими донизу. Я переступаю через рулон, направляясь к самой чистой кабинке (это всегда самая первая кабинка, почти никто не заходит в первую). Усевшись на унитаз, опираюсь подбородком о ладонь и принимаюсь опустошать мочевой пузырь. В окно сочится неяркий свет. Пить днем – это действует угнетающе, солнечный свет подчеркивает наше неподобающее поведение и заставляет все казаться грязным и дешевым.

Когда учишься в Эдлтоне в штате Мэн, ты становишься креативным.

Эдлтон – один из самых красивых городков в Америке, но вдобавок и один из самых скучных, если ты – буйный двадцатилетний студент колледжа. Несколько десятилетий назад парни из Хоторн-колледжа (а до 1964 года сюда принимали только парней) решили что-то поделать с отсутствием здесь баров и ресторанов, поэтому они изобрели обход кампуса, дабы ударно начать День Выпускника. Один раз в год пять зданий, стоящих за пределами кампуса, становятся такими желанными оазисами для истомленных жаждой путников. Выпускники, живущие там, выбирают тему и в соответствии с ней украшают здание. Можно превратить дом в штаб-квартиру «Плейбоя», в подпольный кабак времен сухого закона; можно даже пригласить стриптизерш из Портленда и сделать из гостиной клуб – все, что душе угодно. Помимо этого, «основатели» решили устроить соревнование. Все должны перебежать из здания в здание, останавливаясь лишь

для того, чтобы отдать дань уважения хозяевам и глотнуть спиртного. Выигрывает тот, кто первым успеет к проруби в замерзшем озере. Не то чтобы за это полагается приз или грамота. Важно получить повод для гордости и при этом как следует набраться.

Это ужасно утомительно.

Я смываю за собой и направляюсь к раковине, чтобы вымыть руки. В зеркале отражаются мои покрасневшие щеки и обледеневшие – настолько, что кажутся совсем белыми, – волосы, с которых на пол капает вода. Джемма и Руби пытались сегодня выглядеть красиво (у Руби это получалось легко, она всегда была безупречна), а я осталась такой же, как всегда, – без макияжа, с прямыми от природы волосами. Я не люблю наряжаться.

В голове у меня звучит голос матери: «Ты с кем-нибудь встречаешься, милая?» Я не смогла сказать ей правду – что да, я в некотором роде встречаюсь кое с кем. Можно ли назвать свиданиями то, что происходит между нами? Мы не хотим обнародовать это – по крайней мере до выпуска, от которого нас отделяет всего несколько месяцев.

Я сжимаю зубы, мои высокие скулы резче выделяются на лице. Отойдя от зеркала, начинаю махать руками в воздухе, чтобы обсушить их – мне не хочется дотрагиваться до промокшего полотенца, висящего над мусоркой.

Вспоминаю о том, что делала Джемма во время остановки в одном из пунктов нашего обхода. Темная гостиная была набита выпускниками, стены и мебель прикрыты полиэтиленовыми полотнищами. Вспышки стробоскопа окрашивали все в синий цвет – цвет Хоторна. Команда пловцов при помощи полиэтилена обезопасила обстановку своей гостиной, а потом наполнила воздушные шары синей краской. Студенты перебрасывались ими через всю гостиную, попадая то в стены, то друг в друга. Я видела, как Халед проколол шар прямо над головой у Руби. Она завизжала и отскочила, краска впиталась в тюлевые слои ее юбки-пачки. Еще одно проявление прежней Руби – той, которой мне так не хватает. Но это не тоска, не душевное движение, а нечто сродни желанию того, чтобы сломанный механизм заработал снова. Макс нерешительно протянул ей шар, и она швырнула этот шар в грудь Халеду; резиновая оболочка лопнула, залив синей краской рубашку Халеда и пол у него под ногами.

Макс и Руби. Я не видела их такими с первого курса. Они общались друг с другом и были счастливы. Веселье Дня Выпускника каким-то образом заставило их позабыть о том, что произошло между ними.

Я окинула взглядом толпу, высматривая синие волосы Джеммы. Взор мой наткнулся на лица сокурсников. Я знала их всех, хотя большинство из них по-прежнему оставались для меня чужаками, даже после трех лет, проведенных бок о бок.

А потом я обнаружила Джона и Джемму, уединившихся в темном углу за открытой дверью. Я предположила, что они флиртуют, как делали всегда, когда напивались. По крайней мере им хватило ума спрятаться. Они не видели меня, зато я видела их. Огни стробоскопа пульсировали в такт оглушительным тактам музыки. Я снова отыскивала взглядом Руби. Она ничего не замечала, ее внимание было сосредоточено на Максе и синей краске. Макс и Руби постоянно встречались взглядами, не удосуживаясь даже скрыть широкие улыбки. Их одинаково темные волосы были забрызганы синей краской – а потом и целиком покрыты ею, когда Халед проткнул у них над головой шар, изображая, что это клубок омелы.

Джемма прижалась нижней частью тела к Джону, а верхней отклонилась назад, схватив шар из стоящей на подоконнике корзины. Ее промежность тесно соприкасалась с пахом Джона. Тот отодвинулся было назад, но из-за выпитого движения его выходили неуклюжими и игривыми. Он даже не высматривал Руби. Вероятно, ему казалось, что он не делает ничего плохого, флиртуя с одной из лучших подруг своей девушки.

Джемма улыбалась ему снизу вверх, строя сексуальные глазки, – она весь первый курс упражнялась в этом перед зеркалом. Мы смеялись над ней, не понимая, что она делает это всерьез. Джемма сжала шарик в руках, и краска брызнула ей на грудь, в треугольный вырез блузки, открывающий верхнюю часть груди.

Джемма сделала крошечный шаг к Джону, приподнялась на носочки и, смеясь, провела пальцем, вымазанным в синей краске, от его носа к губам. Джон смотрел на нее, веки его трепетали, ноздри раздувались. Я и прежде видела на его лице такое выражение.

Я оглянулась на Руби. Она по-прежнему ничего не замечала. Почему она не искала Джона? Я подумала было о том, чтобы пробраться к ней и рассказать об увиденном, но передумала. Мне следовало просто подождать.

И сейчас, стоя в вонючем общежитском туалете, я слышу визгливый смех Джеммы, раздающийся где-то в коридоре. Мой план начал работать. Последовать ему и привести его в действие должна была уже она.

Глава 9

Первый курс

Профессор Кларк стоял перед аудиторией – это была третья неделя учебы. Высокий, собранный, уверенный, спортивного сложения, в свои пятьдесят лет он выглядел на сорок. Рядом с ним стоял парень, которого я не знала, – судя по всему, он был на несколько лет старше нас. Плотный, коренастый, заметно ниже профессора Кларка.

Мой телефон, валявшийся у меня под ногами, завибрировал. Я окинула взглядом аудиторию. Никто не заметил.

– Это Хейл, – начал профессор Кларк. – Он будет ассистентом преподавателя у вашего курса в этом семестре. Он только что приступил к программе магистратуры, а до этого учился в Хоторне.

Профессор Кларк отечески похлопал Хейла по плечу. Тот сделал шаг вперед и широко улыбнулся нам.

– Привет, ребята, – сказал он тоном, подходившим скорее нашему соученику, чем ассистенту преподавателя.

Должно быть, ему было около двадцати пяти лет, но одет он был так, словно все еще учился в колледже. Рубашка его была неаккуратно заправлена в штаны и собиралась складками у пояса, обут он был в ортопедические сандалии.

Факультет английского языка в Хоторне был широко известен, и отбор в магистратуру здесь был очень строгий. В год отбиралось не более пятидесяти студентов. Должно быть, Хейл был из их числа. Судя по виду, он не был подготовлен к ведению занятий самостоятельно.

Мой телефон снова завибрировал. Я раздраженно посмотрела на него и наклонилась, чтобы поднять и положить на колени.

Это было сообщение от Руби.

У нас еще одна проблема с Джеммой.

Я подняла взгляд. Профессор Кларк вышел из аудитории, а Хейл доставал из своей сумки книги, спрашивая нас, любим ли мы задания по чтению. Он не видел меня. Я сидела в заднем ряду, ближе к двери.

– Думаю, что после поэмы, которую вы прочли на прошлой неделе, сегодня следует продолжить работу с более простым материалом, – говорил Хейл. – Не то чтобы русская поэзия вообще была легкой...

Я оглянулась по сторонам. Несколько человек одобрительно что-то пробормотали.

Я набрала ответ на сообщение Руби:

Что теперь?

Телефон завибрировал опять. Я переключила его на беззвучный режим.

Руби: Она все время твердит о том, какой Грант милый. Тот парень из твоей общаги. Что ей ответить? Он хуже всех. И у нее есть парень!! Мне кажется, ей следовало хотя бы порвать с ним, прежде чем изменять ему!

Руби была права относительно Гранта. Он жил через несколько комнат от меня. Всякий раз, когда я проходила мимо него в коридоре, после того как Грант посещал душевую (что бывало редко, и старосте этажа приходилось напоминать ему о том, что нужно мыться), он подмигивал мне и спрашивал, как дела. До

меня доходили слухи, что иногда Грант вместо мытья просто обтирается влажными салфетками для рук.

Я ответила: Она не станет изменять. Она одержима Лайамом. А Грант все равно уже ухлестывает за Беккой.

Руби: Ты действительно думаешь, что это ее остановит?

В словах Руби был резон. Несмотря на то что Джемма так и переписывалась с Лайамом, она флиртовала со всеми парнями нашего курса. Я гадала, как долго еще продлятся их отношения.

Был четверг, и это значило, что сразу после занятий мы поедem на машине Джона в «Уолмарт» за пару городков от кампуса. Еще до прибытия в Америку Халед сделал себе фальшивые водительские права и внимательно следил за тем, чтобы нам всегда хватало спиртного для вечеринок. Халед больше, чем кто-либо еще, обожал вечеринки, однако это не мешало ему быть одним из самых многообещающих студентов в программе подготовки к медвузу. Макс, похоже, был не против такого соперничества, и на контрольных и лабораторных работах они постоянно подзуживали друг друга. Халед вечно твердил: «Работать и веселиться надо в полную силу».

Экран моего телефона зажегся. Это снова была Руби: И все равно я буду напоминать ей о том, что у нее есть ПАРЕНЬ.

– Малин. – Теперь Хейл обращался непосредственно ко мне.

Я огляделась, сбитая с толку тем, что он уже знает мое имя.

Хейл улыбнулся мне, потом остальной аудитории.

– Ну да, я знаю все ваши имена. Я изучал страницы в «Фейсбуке» и с прошлой недели читал ваши личные дела в деканате. Знаю, звучит пугающе.

Послышалось несколько смешков.

– Малин? – Хейл посмотрел прямо на меня.

– Да, извините, – пробормотала я, засовывая телефон на самое дно своей сумки.

– Вам известны правила касательно телефонов. – Хейл, до этого стоявший, прислонясь к столу, выпрямился.

Другие студенты смотрели на меня; в их широко раскрытых глазах читалось облегчение от того, что это не их застукали за нарушением. Все переписывались во время занятий. Как правило, мы прикрывали друг друга, но сделать это, когда ты сидишь в дальнем углу аудитории, было сложно. Хейл достал из своей сумки книгу в твердой обложке и положил передо мной. Я уставилась на книгу – на обложке красовался сделанный сепией портрет молодого человека, смотрящего вдаль.

– Выберите что-нибудь, – сказал Хейл. От него пахло древесным дымом и дезодорантом «Олд спайс».

В аудитории наступила тишина. Я пролистнула несколько страниц, ведя глазами по списку названий стихотворений. Найдя то, которое искала, встала из-за стола и вышла на пустое пространство перед аудиторией. Откашлявшись, начала:

– «Что дружба? Легкий пыл похмелья, / Обиды вольный разговор». – Я оглянулась на Хейла. Он стоял, привалившись к дальней стене и скрестив руки на груди. Выражение его лица было ободряющим. – «Обмен тщеславия, безделья / Иль покровительства позор».

Я закончила читать и захлопнула книгу. За окном несколько ломких листьев слетели с огненно-рыжего дерева. В воздухе висел запах сидра и корицы, с каждым днем становилось холоднее, близилась зима. Когда наступает холод, все становится лучше. Горячий кофе, долгие пробежки, теплый душ...

– Стихотворение короткое, однако выбор отличный, – произнес Хейл, нарушив мои раздумья. – Подходящая тема для обсуждения на семинаре первого курса.

Он небрежной походкой скользнул между столами; ортопедические сандалии шаркали по полу, деревянные половицы поскрипывали под его весом.

– Можете садиться, – сказал мне Хейл, проходя мимо и встречаясь со мною взглядом.

Выйдя к белой доске, висящей на передней стене комнаты, он маркером вывел на ней надпись – аккуратными большими буквами: АЛЕКСАНДР ПУШКИН, «ДРУЖБА».

– Кто хочет разобрать стихотворение? – спросил Хейл. Одна из девушек с отчаянной готовностью вскинула руку, и он кивнул ей. – Приступайте, Шеннон.

Шеннон всегда поднимала руку первой. Я была рада, что она так любит отвечать – благодаря этому мне не нужно было самой говорить перед преподавателем и всей группой.

– Мне кажется, он пытается сказать, что дружба – это внешнее. – Шеннон помолчала. – И, похоже, относится к ней отрицательно и несерьезно.

– Почему несерьезно? – спросил Хейл.

– Ну... – Шеннон снова сделала паузу, глядя куда-то вправо. Она всегда так делала, когда размышляла вслух. – В самом начале стихотворения он ставит под вопрос саму идею дружбы. Сравнивает ее с похмельем – плохими последствиями замечательной ночной пирушки.

Послышалось несколько смешков, и Хейл спросил:

– Что-нибудь добавите?

– Э-э... да. Он утверждает, что дружба – это не так прекрасно, как кажется. Словно после того, как весело и буйно провел время, тебе осталась только головная боль. Тебе казалось, что все круто и замечательно, потому что ты был пьян, но на самом деле алкоголь исказил твоё восприятие реальности. В тот момент казалось, что вокруг тебя отличные друзья, но на следующий день они оказались далеко не такими хорошими, так?

Шеннон со сконфуженным видом уселась на свое место.

– Вы считаете, будто Пушкин утверждает, что дружба похожа на похмелье, – ясно. Я понимаю сказанное вами, но что насчет остального стихотворения? Вы полагаете, что он вообще отказывается от идеи дружбы? Есть ли смысл обзаводиться друзьями?

Хейл обвел взглядом аудиторию, выискивая того, кто ответит ему. Кто-то в передних рядах произнес:

– Это пессимистическая точка зрения. Похоже, он был на кого-то обижен.

Отозвался другой голос, знакомый мне:

– Да, такое впечатление, что он считает дружбу фальшивой и бессмысленной.

Аманда. Должно быть, она перевелась в эту группу буквально в последний момент, пока еще была такая возможность. Мы встречались с ней взглядами, но она никак не показывала, что заметила мое присутствие.

– Как, по-твоему, это должно сильно угнетать? – спросил Хейл.

Аманда фыркнула, довольная тем, что сделала такое веское замечание.

Кто-то хихикнул, и в аудитории снова наступила тишина. Хейл посмотрел на меня и задержался, глядя мне в глаза. Я ощутила, как в мою кровь хлынул адреналин. Скрипнув зубами, я ответила Хейлу пристальным взглядом, желая, чтобы он первым отвел глаза.

– Малин, – произнес он и поощрительно улыбнулся мне. – А вы как думаете? Именно вы выбрали это стихотворение. Давайте выслушаем ваши мысли.

Мои мысли были таковы, что мне не хотелось бы высказывать их перед всей группой.

Спустя несколько долгих секунд, в течение которых все смотрели на меня, я начала:

– Он утверждает, что в большинстве случаев дружба бывает несерьезной и поверхностной. Однако верит, что настоящая дружба тоже бывает, пусть и редко, в особых обстоятельствах. И такое происходит тогда, когда тебе приходится разгребать трудности – иногда кто-нибудь приходит тебе на помощь. Если найдешь такого человека, ты должен быть верен ему, и он будет верен тебе в ответ. Именно это и есть настоящая дружба.

Шеннон вскочила со стула, с силой хлопнув ладонью по столу.

– Верно! – воскликнула она, как будто что-то щелкнуло у нее в голове. – Настоящий друг будет рядом с тобой в самые трудные времена, и именно так ты понимаешь, что он настоящий. А все остальные – ну, эти люди вроде как просто проходят по краешку твоей жизни, и в конце концов ты понимаешь, что они ничего не значат.

Хейл кивнул в знак согласия, обрадованный тем, что мы произвели такой глубокий анализ произведения.

– Держите эту мысль в голове, когда будете обживать здесь, в Хоторне. Настоящий друг – это дар. Надеюсь, вы поймете, когда увидите такого друга.

Я подумала о Руби и о том, что она начала называть меня своей лучшей подругой. Никто и никогда не называл меня так прежде.

Посмотрела на свои часы. Я терпеть не могла оставаться в классе дольше положенного времени. Несколько студентов начали собирать тетради и закрывать ноутбуки, когда я краем глаза увидела вскинутую руку. Это был Эдисон. Конечно же, как всегда. У него была кошмарная привычка задавать длинные вопросы перед самым концом занятия, и из-за этого мы нередко сидели, ерзая от нетерпения, в течение пяти, а то и десяти лишних минут. Я подавила желание подойти к нему и силой заставить его опустить руку. Я ненавидела задержки. Мне нравилось, когда все шло по расписанию и имело четкое начало и конец.

– Эдисон? – спросил Хейл.

Раздался коллективный вздох, когда вся группа – по крайней мере вся ее женская часть – прожгла Эдисона яростным взглядом. Я заметила на лице Хейла

странное выражение – как будто это его забавляло.

– Значит, – начал Эдисон, – это частая тема в русской поэзии? Обсуждали ли дружбу другие поэты, и, если обсуждали, разве это не шло вразрез с прежними, традиционными мотивами русской поэзии?

Когда занятие наконец-то завершилось – спустя целых десять минут после положенного времени, – нас разделили на группы по трое и велели на выходных обсудить дискуссионные вопросы. Работа в группе пугала меня.

Хейл назвал состав очередной учебной тройки: Малин, Шеннон, Аманда.

Аманда. Тьфу. До этого мне так хорошо удавалось избегать ее... Шеннон болтала что-то о встрече в библиотеке для обсуждения, и я согласилась; мне не терпелось покинуть аудиторию.

Я собрала свою сумку, засунув туда свои книги и ноутбук. Почувствовав, что кто-то стоит передо мной, подняла взгляд и увидела Хейла. На таком небольшом расстоянии я отметила, что у него мягкие черты лица и несколько тяжеловатое телосложение. Не толстый, но коренастый. Роста он был среднего; его волосы, разделенные на косой пробор, густо вились. Одет в зеленую клетчатую рубашку, рукава которой небрежно закатаны до середины предплечий.

– Какой курс собираетесь взять основным? – спросил меня Хейл, улыбаясь. Он что, всегда улыбается?

Я ответила не сразу, сделав паузу, чтобы застегнуть сумку. Чем молчаливее я была, тем неуютнее становилось людям, и в конце концов они оставляли меня в покое.

– Английский язык, – сказала я наконец, – для юридической подготовки.

– Вы хотите быть юристом?

– Да. – Тон мой был твердым, возможно, слегка раздраженным. Хейл поднял брови. В противостоянии либералов и жадных американских корпораций я выбирала последние. Я не хотела давать ему шанс спасти мою душу и склонить

меня на другую сторону. Посмотрела в сторону коридора, давая понять, что мне пора идти.

– Ясно... – Хейл вздохнул. Я избегала встречаться с ним взглядом, сосредоточившись вместо этого на своей сумке. – Я читал ваше первое эссе о Толстом. Очень, очень хорошо. И сегодня вы отлично поработали. Вы читали Пушкина раньше?

Я покачала головой – нет.

– Ого! Вы провели великолепный разбор.

– Спасибо, – ответила я, переминаясь на месте и глядя в сторону двери. Я видела, что ему хочется поговорить еще, но мне нужно было по другим делам – допустим, встретиться с друзьями и нелегально доставить в общагу спиртное. – Мне нужно идти, – добавила я.

– Ладно, идите, – сказал Хейл. – Хорошего вам вечера.

Я наконец-то взглянула на него, поймав его взгляд. С такого близкого расстояния я различила, что глаза у него глубокого, ярко-синего цвета, и в них светилось понимание, которого я не желала и в котором не нуждалась.

Я вышла, оставив Хейла в аудитории. Он смотрел мне вслед, пытаясь вычислить меня, вероятно, гадая, поганый у меня характер или просто застенчивый. Обычно именно так думали люди – по крайней мере в старшей школе. Однако на самом деле это было бессмысленно. Я не собиралась давать ему какие бы то ни было ключи к разгадке, и это должно было притушить его любопытство. Вскоре он поймет, что гадать бесполезно, и забудет обо мне; именно этого я и хотела. Мне нравилось оставаться в тени, подальше от хвalebных слов со стороны преподавателей и профессоров. Мне было не по душе жить под ярким светом.

Распахнув двустворчатую дверь и выйдя на свежий осенний воздух, я вытащила из сумки телефон. Пять новых сообщений. Я уже знала об их количестве, потому что телефон вибрировал пять раз подряд, не давая забыть о том, что она ждет от меня ответа.

Руби: Знаешь, это плохой знак, когда натягиваешь джинсы, а они на тебе не сходятся. Больше никакой вредной еды и пива. Только крепкая выпивка, и не смешивать. Долбаная пицца.

Руби: В натуре валики, везде!

Потом, десять минут спустя:

Руби: БОЖЕ, М!!!

Руби: Ты почему не отвечаешь???

Руби: МНЕ НУЖНО КОЕ-ЧТО ТЕБЕ СКАЗАТЬ, ОТВЕТЬ!

* * *

Джон пригласил Руби на свидание. На настоящее свидание, а не просто на совместную прогулку – на ночную поездку в ресторан в Портленде. В Хоторне это считалось важным событием. Обычно студенты просто цепляли кого-нибудь на выходные, чтобы переспать разок – или не переспать, если решали выпендриться. Свидание означало, что они – настоящая пара. Первая настоящая пара на нашем курсе.

Войдя в «Уолмарт», мы с Руби отделились от остальных и свернули в бесконечный проход между полками с едой быстрого приготовления.

– Думаю, мы поедем в тайский ресторан, – сказала Руби, снимая с полки упаковку рамена. – Я соскучилась по «пьяной лапше». К тому же сейчас это лучший ресторан в Портленде.

Я забрала у нее рамен и добавила его к той куче покупок, которую уже держала в руках. Я уже начала отмечать странное отношение Руби к деньгам. К деньгам Джона, если говорить точнее. То, как озарялось ее лицо, когда он говорил о своем доме на Виньярде, хотя она никогда прежде там не бывала. То, как она проверяла ярлыки на его одежде, словно оценивая дизайнера и с облегчением обнаруживая, что Джон может позволить себе дорогие вещи.

– Это значит, что теперь он твой парень? – спросила я.

Руби пошла дальше по проходу, осматривая полки и чуть заметно улыбаясь.

– Полагаю, да.

– И ты уверена, что тебе это норм? Так рано с кем-нибудь связаться?

Руби засмеялась.

– Да, Малин. Это и означает «встречаться». Я ни с кем другим и не хотела связываться, так что да, мне совершенно норм.

В течение этих недель я внимательно присматривалась к Джону и Руби. К тому, как их притягивало друг к другу. Магниты. Я не знала, как это ощущается. Я никогда такого не испытывала. Я внимательно наблюдала за страстью, которую они питали друг к другу, за тем, как они держались за руки – с нежностью и готовностью защищать. Я гадала, будет ли и у меня когда-нибудь нечто подобное.

– Так ты влюбилась? – уточнила я.

Руби с любопытством посмотрела на меня. Я знала, что должна перестать спрашивать, но действительно не понимала, почему она хочет стать чьей-то девушкой, да еще и в самом начале семестра.

– Может быть, – сказала Руби. – К чему все эти вопросы?

– Да просто так. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

– Ну так я и счастлива, – ответила она, слегка напрягшись.

– Отлично, – я кивнула. – Остальное уже не важно.

Я смотрела, как она идет дальше, прижимая к груди пачки макарон для приготовления в микроволновке. Она и Джон выглядели хорошей парой. У них

уже были свои шутки, их уже связывали некие чувства. Со мной Джон тоже был милым. Всякий раз, когда на вечеринке брал для Руби напитки, он спрашивал, не хочу ли и я чего-нибудь. Я была неким образом включена в их отношения, как довесок к Руби. Но не могла отделаться от странной неприязни, которую испытывала к Джону. Я знала, что это, должно быть, каким-то образом связано с Леви и что мне не следует обращать на это внимания. Джон – не Леви.

– О боже! – взвизгнула Руби в дальнем конце прохода, хватая с полки разноцветную упаковку. – Мармеладки с соком! Мое детство в коробке!

* * *

Мы ждали парней на парковке. Было лучше не лезть под руку Халеду, покупавшему спиртное по своему поддельному водительскому удостоверению. Мы с Руби примостились на заднем бампере машины Джона – «БМВ», некогда принадлежавшего его матери. И Джон, и Макс водили старые машины своих родителей – роскошные автомобили с немодной отделкой салона.

Я прикинула, что матери Джона и Макса были сестрами. Было похоже, что отца у Джона больше не было, и я предположила, что он умер, оставив семье много денег. Больше, чем было у семьи Макса. Джон никогда не говорил о своем отце, и я не собиралась выжимать из него подробности.

В отличие от нас, остальных, Макс время от времени проявлял ностальгию по дому. Он постоянно переписывался с родителями и младшей сестрой. Улыбался их сообщениям, а потом его лицо снова делалось замкнутым, а мысли где-то блуждали. Не исключено, что ему хотелось быть с ними, а не с нами. Этого я не понимала. Но, может быть, моя семья тоже была бы такой, будь Леви иным...

Телефон Руби зажужжал.

– Это Джемма, – пробормотала Руби, доставая его. – Проверяет, где мы.

Джемма терпеть не могла, когда ее бросали, но ее театральная группа на этой неделе готовила постановку, и она была по уши занята репетициями. Жаловалась на то, что ее вечно покидают одну, и Руби изо всех сил старалась, чтобы Джемма тоже чувствовала себя частью нашей компании. Она быстро

набрала ответ. Поднялся ветер, холодок проник под мой свитер.

Мы молчали. Наша дружба достигла той точки, когда молчание уже не кажется неловким или неуютным – оно было почти успокаивающим, естественно и удобно вписываясь в ритм нашего общения.

Руби задрожала и стала растирать свои плечи, чтобы согреться.

– Кстати, – сказала она, вспомнив что-то, – а ты знаешь, что у Макса бывают приступы тревоги?

– В каком смысле? Ты имеешь в виду какую-то особенность? – спросила я.

Мы с Руби часто обсуждали других, оставаясь наедине. Мы разобрали личность каждого по косточкам, осмысляя, кто что сделал и почему. Халед терпеть не мог оставаться один. Ему всегда нужно было быть с кем-нибудь из нас, если не со всеми разом. Когда Макс и Джон уходили на футбольную тренировку, Халед писал Руби, Джемме или мне, чтобы узнать, где мы находимся. Даже если мы собирались на концерт церковного пения – такое развлечение считается типично женским, – Халед присоединялся к нам. Когда мы занимались в библиотеке, он усаживался в самой людной части зала, впитывая постоянный поток человеческого общения. Было похоже, что он боится одиночества – или тишины, возникающей в одиночестве. Я этого не понимала – я любила быть одна, одиночество приносило мне ясность мыслей и возможность отдохнуть душой.

– Ты знаешь, что мы вместе были на занятии по биологии? – спросила Руби, натягивая манжеты толстовки на кисти рук и соединяя их в плотную муфту. Потом прижала руки к груди.

Было забавно представить Руби – студентку отделения истории искусств – на биологии. Но так обстояли дела в Хоторне, колледже гуманитарных наук. Нам всем нужно было посещать самые разнообразные занятия.

Руби продолжила:

– Прошлым вечером мы задержались в лабе допоздна и в конце концов просто начали болтать о чем попало. Я сказала ему, как нервничаю перед футбольными матчами, когда все смотрят на меня, и все такое, и он сказал, что чувствует себя так же. Вот только у него случаются панические атаки. Сказал, что такое с ним бывает еще со средней школы.

– А он знает, почему так? – спросила я. Макс был молчаливым, но вот дерганым он мне никогда не казался. Я думала, что мы ему просто не нравимся. Но, опять же, мы с ним мало общались и никогда не разговаривали один на один.

– Я не хотела давить, – сказала Руби. – Но похоже, что-то случилось или поменялось, когда он был ребенком, потому что Макс сказал, что это было так, словно переключатель какой-то щелкнул. До того он был в порядке, был счастливым, а на следующий день – уже нет.

Я знала о таких переключателях. Несмотря на холод, царящий вокруг, я ощутила в горле горячий сырой воздух.

– Хреново, – произнесла я.

– Да, похоже, это ужасно, – согласилась Руби. – Помнишь, как мы недавно были на вечеринке с мужской футбольной командой?

Я помнила. Некоторые из них пытались приударить за мной, но безуспешно. Я не могла воспринимать их всерьез, таких вот пьяных и неуклюжих, с разъезжающимися в разные стороны глазами – именно в таком состоянии они пробовали подкатить ко мне. Пахнущая потными, разгоряченными телами вечеринка, пол под ногами мокрый от пролитого пива...

– Да, – сказала я.

– Ты помнишь, как Макс типа как исчез оттуда? – продолжила Руби. Я помнила и это тоже. Когда мы все собрались уходить, то не смогли найти его. Джон пожал плечами, предположив, что Макс пошел домой. «Наверное, ему стало скучно. Только скучным людям бывает скучно, верно, М?» – и он ткнул меня в плечо, словно мы были близкими друзьями.

Руби продолжила:

– Ну, похоже, он ушел так рано, потому что ему казалось, будто он не может дышать. И руки у него стали неметь. Поэтому он пошел пробежаться. До двух часов ночи.

Я никогда не испытывала тревожного расстройства или панической атаки. Отец однажды сказал мне, что у моей матери развилось тревожное расстройство после того несчастного случая, но я никогда не понимала, что это означает. Она все время была рассеянной, но, не считая этого, не вела себя беспокойно, ничего такого. В конце концов она записалась на терапию. Я помню термин «ПТСР» [б - ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство.], произнесенный шепотом, за закрытыми дверями.

Я попыталась вспомнить ту вечеринку. Мы вшестером держались вместе примерно до одиннадцати часов. Народу было столько, что мы не смогли пробиться дальше вестибюля. Воспоминания были смутными; все вечеринки сливались в одну длинную череду сплошного пьянства. В памяти у меня вспыхнул образ уходящего Макса. На вечеринках ему, похоже, было всегда неуютно, будто он считал минуты до того, как можно будет уйти. Но в тот вечер Макс держался рядом с Руби и выглядел по-настоящему веселым. Они все время смеялись над чем-то. Наверное, над Джеммой, которая, как обычно, напилась в зюзю.

Руби была права – я действительно вспомнила, как он ушел без единого слова. Однако тут было что-то еще. Джон что-то сказал ему, так тихо, что не расслышала ни я, ни кто-либо другой. После этого, насколько я могла вспомнить, Макс исчез с вечеринки.

– Как ты думаешь, он проходит терапию с этим тревожным расстройством? – спросила я.

Руби помотала головой:

– Нет, нет, точно нет. – Она шмыгнула носом от холода. – И он просил меня не говорить никому.

В конце фразы голос ее дрогнул, придав словам просительную интонацию.

– Я поняла, – сказала я. И я действительно поняла. Я умею хранить тайны.

Парни выскочили из здания с озорными ухмылками на лицах и тяжелыми пакетами в руках.

– Успешно? – спросила Руби, когда они подошли ближе.

– А то! – отозвался Халед, укладывая несколько пакетов в багажник. Стеклобутылки позванивали одна о другую.

– Черт возьми, вы видали эту машину? – спросил Джон, убирая свои пакеты с пивом и глядя на выцветший зеленый седан, припаркованный рядом с нами. Бампер его висел криво, бока машины были покрыты вмятинами.

Мы все столпились вокруг Джона, и я осознала, о чем он говорит. Салон седана был наполнен упаковками от фастфуда, пластиковыми пакетами и прочим мусором. Бутылка из-под воды, стоящая на приборной панели, битком набита сигаретными окурками. Сидений не было видно, водительское кресло засыпано бумажками – похоже, старыми обертками от еды.

– Что за свинья! – фыркнул Джон, отходя назад и открывая багажник своего «БМВ».

– Как можно такое допустить? – спросил Халед. Лицо его выражало ужас. Я не была уверена, что в своей жизни ему доводилось видеть подобного рода бедность – если он вообще видел что-то, кроме богатства. Мы с Руби и Максом обошли машину.

– О нет, – сказала Руби, обращаясь к нам. Я проследила за ее взглядом, направленным на заднее сиденье машины. – Так грустно... Вы можете представить, что творится в доме у этого человека, если машина в таком вот виде?

– Люди сами выбирают, как им жить, Руби, – сказал Джон, закрывая багажник и направляясь к водительской дверце «БМВ».

Макс тихонько пробормотал, так, что его слышали только мы:

– Хорошо, что ты сделал правильный выбор и родился в богатой семейке.

Мы с Руби смотрели на него, и он заметил это; лицо его сделалось почти пристыженным. Руби откашлялась. Я знала, что она ненавидит неловкие моменты, ей кажется, будто она должна как-то прервать наступившее молчание. Я услышала за спиной шаги и, обернувшись, увидела мужчину, смотрящего на нас.

– Вам что-то нужно? – спросил он.

На вид ему было лет тридцать пять, длинные немытые волосы собраны в «хвост». Одежда его была потрепанной, я заметила у него в руках пакет с ramenом – с тем же самым вкусом, который выбрала Руби. В другой руке мужчина держал стопку лотерейных билетов.

Мы все смотрели на него, пытаюсь придумать, что сказать, и только Джон, не обращая на мужчину внимания, залез в машину. Я слышала, как он сказал Халеду:

– О, круто. Какой-то местный бомжара, живущий на пособие...

Я взглянула на лотерейные билеты и на выражение лица мужчины – оно не изменилось. Я была рада, что он не услышал слова Джона. Я не слышала, что ответил Халед, и гадала, по душе ли ему пришлось это замечание. Мне казалось, что он решает некую внутреннюю дилемму: как не поссориться с Джоном, но при этом не выглядеть богатеньким мерзавцем.

– Ой. – Руби вздрогнула. – Извините, мы сейчас уедем и не будем вам мешать.

Я понимала, что она пытается сделать вид, будто мы не глазели на машину этого человека, а просто собирались сесть в свой автомобиль. Однако любому было понятно, чем мы тут занимались. Макс придержал перед Руби дверь, пока она забиралась на заднее сиденье, я залезла с другой стороны.

Мужчина, глядя на нас, медленно, нерешительно шел к своей машине.

«БМВ» завелся, громко взревев двигателем. Прежде чем мы выехали со своего места, Джон рассмеялся.

– Черт, кто-нибудь, отведите этого пса к грумеру.

Я резко повернула голову, зная, что окно открыто. Я надеялась, что мужчина не услышал Джона, но, судя по тому, как он смотрел нам вслед, эта реплика не ускользнула от его слуха. Никто из нас не засмеялся над «шуткой» Джона. Будь Джемма здесь, она, наверное, смеялась бы. Руби избегала моего взгляда и смотрела в окно, пока мы не вернулись в кампус. Она что-то обдумывала, но я не могла понять, что именно.

* * *

Уже стемнело, когда мы добрались до кампуса и вышли со стоянки, отведенной для первокурсников. У нас никогда прежде не возникало сложностей с тем, чтобы доставить в общежитие пиво и различные крепкие напитки.

Охранник кампуса остановил нас в нескольких шагах от входа в общежитие. Разговор о пустяках, который мы вели по пути от машины, резко оборвался, и мы уставились в темноту.

– Эй, ребята! – окликнул нас охранник.

Мы не видели, как он подошел. Не было никаких предупреждающих сигналов – ни бело-синих вспышек маячка на его машине, ни покашливания, объявляющего о его присутствии. Я крепче сжала пальцы на ручках двух пакетов. В одном лежала упаковка на шесть банок пива, в другой – две бутылки джина в картонных коробках. Я отвела пакет с крепкой выпивкой чуть назад, надеясь, что мое бедро загородит его от охранника. Тот направился к нам, шаркая тяжелыми ботинками по асфальтовой дорожке.

– Черт! – чуть слышно выругался Халед.

Джон и Макс остановились и переглянулись. Я знала – они боятся, что их возьмут на заметку, напишут на них рапорт, и тогда их отстранят от игр до конца сезона. Так же, как и Руби. Я заметила, что Макс встал перед ней, словно заслоняя ее от

охранника.

Мы разом застыли, когда тот подошел к нам.

– Вы первокурсники? – спросил он, уперев ладони в мощные бедра; над его туго затянутым форменным ремнем выпирала, точно тесто из формы, складка кожи.

– Да, сэ, – ответил Джон, наш неофициальный вожак.

Охранник кашлянул и что-то проворчал. В темноте я видела у него на поясе резиновую дубинку; не то чтобы он собирался пустить ее в ход или имел на то причины. Охранник указал на пластиковый пакет.

– Откройте, – велел он Джону с сильным мэнским акцентом.

Джон улыбнулся самой своей милой улыбкой, полной очарования, но пакет не открыл. Пиво в кампусе было разрешено, у него была упаковка на двенадцать банок. Даже если охранник увидит ее, проблем у нас не будет. Крепкие напитки были только у меня, Руби и Макса.

– Тут просто пиво. Хотите баночку? – спросил Джон; его шарм растекался медом в холодном вечернем воздухе.

– Веселишься, пацан, да? – осведомился офицер. Он выпятил грудь, подчеркивая, что охранник кампуса – важная персона.

Пока охранник копался в пакете, Джон бросил на Макса еще один предупреждающий взгляд. Офицер протянул пакет обратно, буркнув что-то в знак подтверждения. Потом внимательно посмотрел на Руби, прячущуюся за спиной Макса.

– Мисс, – сказал он и поманил ее к себе. Руби вышла вперед, взгляд ее был уверенным и настороженным.

Джон взирал на Руби с напряженным скептицизмом. Я знала, о чем он думает. Руби была не способна лгать, и все мы это знали. Она была слишком хорошей.

– Извините, если мы что-то нарушили, – произнесла Руби уважительно-вежливым тоном. – Мой папа был в городе и предложил нам поехать в магазин. Мы не собирались делать ничего плохого.

При упоминании о ее отце охранник прищурился, словно родительский надзор снижал его полномочия, и он знал об этом. Каким-то образом козырь, брошенный Руби, возымел действие, и офицер снова заворчал – на сей раз это означало, что он ничего не может сделать и принимает этот факт. Сладкие, словно сироп, слова Руби и ее широко распахнутые глаза сотворили некую наивную девичью магию. Охранник слегка улыбнулся ей и выпрямился.

– Не делайте глупостей, – посоветовал он, все еще глядя на Руби. – В этом семестре администрация намерена семь шкур драть за любое нарушение – и с нас, и с вас.

– Хорошо, – ответила она. – Спасибо, что предупредили нас. Мы очень за это благодарны.

Охранник что-то удовлетворенно буркнул напоследок и зашагал прочь по дорожке; его массивный силуэт скрылся в темноте.

Когда он уже не мог нас слышать, мы наконец-то выдохнули и засмеялись от облегчения, продолжив свой путь к общежитию.

– Вот какая у меня девушка! – провозгласил Джон, наклоняясь, чтобы поцеловать Руби в щеку.

Руби просияла. Она не знала, что на секунду он в ней усомнился, не видела тот критический взгляд, которым он окинул ее, когда она шагнула к охраннику.

Ее отвага изумила меня. Вот так противостоять представителю власти, так отважно лгать ему – это не было похоже на ту Руби, которую я знала. Я видела, как она счастлива от того, что избавила нас от неприятностей и проявила храбрость, впечатлившую Джона. Мне казалось, будто я увидела ее без всех покровов; я отстала, не в силах переварить ее явную готовность идти на жертвы ради других.

Руби распахнула дверь общежития и начала подниматься по лестнице. Халед следовал за ней по пятам. Я остановилась, чтобы поудобнее перехватить пакеты. Наверное, Джон решил, что я отстала достаточно далеко, потому что я увидела, как он повернулся к Максусу и положил ему руку на плечо.

– Правильно сделал, что не полез со своими высокими моральными принципами; ты обязательно все слил бы.

Я не подняла взгляд, чтобы увидеть реакцию Макса. Помедлила у подножия лестницы, перекладывая тяжелые пакеты из руки в руку, чтобы сделать вид, будто я ничего не слышала. Краем глаза я заметила, что Макс смотрит на меня, гадая, донеслись ли до меня слова Джона.

– Ты не мог бы поддержать дверь? – окликнула я, продолжая притворяться и по-прежнему не глядя на него.

Джон уже шел наверх, перешагивая через две ступеньки.

– Конечно, – негромко отозвался Макс.

Мы вместе поднимались по лестнице, храня обоюдное молчание. Я пыталась понять, почему он не возразил Джону. Быть может, так положено между родственниками – я не понимала эту часть отношений между кузенами.

Я решила, что замечание Джона вызвано страхом: испугом от того, что нас могли поймать; должно быть, у него разыгрались нервы. Когда люди испуганы, они ведут себя странно и говорят не менее странные вещи. А может быть, он был в тот день в плохом настроении. Может быть, получил низкий балл за контрольную и вымещал это на окружающих. Я убедила себя в том, что это единичный случай. Мне не нужно было вмешиваться. Моя задача – быть спокойной, доброжелательной Малин. Расслабиться, как сказал бы Халед. Получать хорошие оценки. Обзавестись друзьями. Быть обычной студенткой колледжа. Я не намеревалась сворачивать на другой путь.

* * *

На следующее утро я шла через квадратный двор между корпусами, оставляя на росистой траве следы кроссовок. Шеннон хотела, чтобы мы встретились перед выходными, дабы не проделывать мыслительную работу с похмелья. Мы с Аmandой неохотно согласились. В любом случае этот план был хорош хотя бы тем, что Руби не узнает о моем общении с той, которая ее так ненавидит.

Голова у меня гудела. Вчера ночью мы засиделись допоздна, играя в «квотерс»[7 - «Квотерс» – игра на выпивку. Игроки по очереди бросают на стол монетки, стараясь попасть ими в кружку с выпивкой. Проигравший должен выпить содержимое кружки.], смеясь над нашей встречей с охранником и радуясь, что избежали неприятностей. К концу застолья даже Макс улыбнулся, когда Руби пошутила, что он был похож на оленя, застигнутого светом фар. Джемма была немного раздосадована – завидовала тому, что это не она выручила всех, применив свои театральные навыки. Она старалась скрывать то, что смотрит на Джона и Руби, но я заметила это. Весь вечер Руби держала Джона под руку и наливала ему пиво – до тех пор, пока мы не отправились спать.

Обогнув угол, я свернула на дорожку, ведущую к библиотеке, и тут меня кто-то окликнул издали. Я заметила Макса, который сидел под деревом, окутанным яркой желто-оранжевой листвой, и махал мне рукой. Подойдя поближе, я увидела, что на коленях у него лежит учебник, а в руке, затянутой в перчатку без пальцев, он держит термос с кофе, над которым курится ароматный пар.

– Что ты тут делаешь? – спросила я, клацая зубами. – На улице такой дубак!

– Я согрелся во время пробежки, – объяснил он. – К тому же тут тихо.

Я обвела взглядом пустой двор – никто еще не показался из общежитий, до начала занятий оставалось много времени. Макс продолжил:

– Я тут занимаюсь учебой. Не хочешь присоединиться?

– Э-э... нет. У меня сейчас по плану коллективная работа, – ответила я.

Это был первый раз, когда мы оказались наедине, и я не знала, что ему сказать. Оглянулась через плечо на библиотеку.

– Можешь идти, – произнес он с чуть насмешливой улыбкой. – Мы не обязаны поддерживать светский разговор.

Я поправила сумку, висящую на плече.

– Очень смешно. – Потом увидела фотоаппарат, выглядывающий из его сумки. – Снимаешь что-нибудь?

Макс опустил взгляд.

– Ну да. Для факультатива по искусству.

– Что-нибудь интересное?

Он отпил кофе, размышляя, хочет ли говорить мне об этом.

– Дом престарелых.

– То есть здание или...

Макс засмеялся.

– Людей в здании. Я снимаю портреты. Иногда пейзажи. Но моему профессору, похоже, больше нравятся пейзажи, так что, полагаю, именно ими я и буду заниматься.

– Так ты фотографируешь людей в доме престарелых?

– Да. Это началось с того, что им понадобился волонтер, который сделал бы снимки для их справочной доски. Что-то вроде перечня тех, кто там живет.

– Круто, – сказала я.

– Да. Очень грустно видеть тех, кто там обитает. Условия не то чтобы хорошие... Ты знаешь, что в Соединенных Штатах с престарелыми людьми обращаются достаточно плохо по сравнению с другими странами?

Я этого не знала.

- Нет, - ответила я.

- Это очень угнетает. Извини за негатив, вряд ли тебе нравится такой разговор...

- Нет, всё в порядке. Хорошо, что тебе до них есть дело. Наверняка ты им понравился.

Макс пожал плечами.

- Не знаю. Думаю, им просто хочется поговорить с кем-нибудь из внешнего мира.

Я не знала, что еще сказать. Взаимодействовать с людьми так утомительно... Потом раздался звонок.

- Мне нужно идти, - сказала я, поддергивая сумку повыше на плечо.

- Удачной коллективной работы, - пожелал он мне вслед, когда я снова направилась к дорожке; тон у него был озорной и чуть насмешливый.

Я оглянулась на Макса. Его худощавое тело казалось массивным в дутой куртке, а голова в шерстяной шапке, наоборот, выглядела маленькой. Я вспомнила свой разговор с Руби и задумалась, как у него сейчас с тревожным расстройством. Он выглядел спокойнее, чем когда-либо прежде с момента нашего с ним знакомства.

Было что-то притягательное в том, как он сидел тут в одиночестве. Это было мне знакомо - читать в тишине. В глубине души мне хотелось вернуться и сесть рядом с Максом, но я продолжила свой путь к библиотеке.

* * *

Я толкнула библиотечную дверь; ее металлическая оковка проскребла по полу. Библиотека казалась чужеродной в кампусе, ее архитектура ранних девяностых

резко контрастировала с кирпичными учебными корпусами и каменными стенами. Вестибюль переходил в большую общую зону, где рядами выстроились рабочие и компьютерные столы. Я заметила Шеннон в дальнем углу у окна, на одном из диванов. Аманда сидела рядом с ней, подобрала ноги под себя; ее волосы были уложены в огромный узел на макушке.

- Привет, - сказала я, подходя. Потом уронила сумку на пол и опустилась на диван, соседний рядом с тем, который занимала Шеннон.

- Доброе утро, Малин, - пропела Шеннон радостно и бодро. Я ненавидела, когда люди по утрам говорили так громко.

- Милый свитер, - с улыбкой произнесла Аманда. Мой свитер был старым, серым и скучным, как эта библиотека.

- Спасибо, - отозвалась я. - Может быть, мы...

Аманда прервала меня, выставив ладонь прямо перед моим лицом.

- Прежде чем мы начнем, - заговорила она, растягивая слова и нарочно нагнетая атмосферу, - я хочу сказать, что вчера вечером слышала совершенно улетную штуку про нашего ассистента препода.

- Что? - спросила Шеннон.

- Ты знаешь, что он встречается с другой студенткой магистратуры? С той, которая всегда носит юбки-бохо, словно какая-нибудь хиппи...

- Да? - откликнулась Шеннон.

Я знала, о чем ведет речь Аманда. Прошлым вечером я видела Хейла в столовой с какой-то девушкой: они, держась за руки, продвигались к стойке с горячими блюдами.

- Судя по всему, - продолжила Аманда, - ее поймали, когда она крутила с профессором.

– Seriously? – спросила Шеннон.

Вот почему я всегда ненавидела коллективную работу. Такая неэффективность раздражала и утомляла меня.

Аманда вела рассказ дальше:

– Ее застукали с одним из профессоров английского языка.

Конец предложения она буквально протараторила, словно была не в силах больше удерживать эти сведения внутри.

– Это очень плохо, – сказала Шеннон. – Просто ужасно плохо.

– Знаю. Я доделывала кое-какую работу в «Гринхаусе» вчера вечером и слышала, как другие профессора об этом говорили. И... – Аманда сделала паузу для пущего эффекта и понизила голос до шепота. – Этот профессор женат!

«Гринхаус» был одним из самых новых учебных корпусов; его строительство спонсировал какой-то богатый тип, давным-давно учившийся в Хоторне. В центре каждого этажа располагалась обширная рекреация с диванами и камином; там было куда уютнее, чем в библиотеке. Не было ничего необычного в том, что профессора и студенты сидели в одном помещении – предполагалось, что это создает приятную атмосферу для обсуждения научных вопросов.

– О-о, – выдохнула Шеннон, широко раскрыв глаза, – бедный Хейл!

– Ну да, ясное дело. Вот зачем она так с ним? Я имею в виду, он, конечно, ботан, но он милый. На мой вкус – слишком милый. Слишком... цельный. Я уверена, что встречаться с ним скучно.

– Так тебе нравятся тупые козлы? – поддразнила ее Шеннон. Аманда закатила глаза.

– Заткнись; ты же знаешь, что я имею в виду.

– Так ее выгонят? – спросила я, стараясь придать голосу заинтересованные интонации.

– Ну, я не знаю... Кому какое дело? Это просто дикий скандал. И к тому же я не думаю, что за такое выгоняют. По-моему, программа магистратуры – это не то, что просто колледж. В крайнем случае уволят этого профессора. Я имею в виду, трахать-то можно кого угодно, но только если от этого никто не страдает, – заявила Аманда.

Я оперлась лбом о ладонь. Несколько секунд мы все молчали.

– Знаешь, – сказала Аманда, глядя на меня, – похоже, ты нравишься Хейлу, Малин.

Я не ответила, но та не отставала.

– Что он вообще сказал тебе после того семинара?

Ей было завидно, что Хейл подошел не к ней. Я предпочла бы, чтобы он выбрал ее. Мне же лучше, если Хейл будет уделять внимание другим, тогда я смогу остаться незамеченной.

– Он хотел поговорить о том, какое у меня основное направление обучения, – ответила я.

– Ну-ну, – хмыкнула Аманда. – Точно тебе говорю, ты произвела на него впечатление. Наверное, ему нравятся тихони с прибабахом.

Я проигнорировала это откровенно хамское замечание насчет моего характера, хотя оно было не таким уж ошибочным.

Аманда продолжила:

– И теперь, когда он один... – Она подняла брови, глядя на меня с явным намеком.

Шеннон широко распахнула глаза.

- Но он ассистент нашего преподавателя!

- Можно подумать, это кому-то когда-то мешало, тоже мне... - сказала Аманда, все еще ожидая моей реакции. - И кроме того, он выпустился только в прошлом году. Не то чтобы это была такая уж страшная разница в возрасте.

- Но все равно, целых пять лет, - возразила Шеннон. Она смотрела на меня, оценивая, насколько я заинтересована. Обе они хотели, чтобы я подтвердила или опровергла их выдумку. Я позволила, чтобы пауза затянулась до полной неловкости, и оставила все эти инсинуации без ответа. Аманду это явно раздражало. Она уставилась вверх, словно ей в голову пришла еще более интересная мысль.

- А может, ты, как и все на нашем курсе, положила глаз на Джона Райта?

- Ты знаешь, что он встречается с Руби, верно? - спросила я, доставая из сумки книги и раскладывая их на столе. Потом раскрыла ноутбук, и экран ярко засиял в тусклом утреннем свете.

Аманда закатила глаза.

- Она его недостойна.

Как и в прошлый раз, во время встречи в столовой, я чувствовала, что она ждет от меня вопросов. Но я не стала их задавать. Мне было приятно злить ее тем, что мне все равно, и это вызывало у меня особое чувство близости с Руби. Шеннон переводила взгляд с меня на Аманду и обратно, словно кошка, следящая за солнечным зайчиком.

- Итак, - произнесла я, насладившись тем, насколько неловкой сделала эту ситуацию, - приступим?

Я взяла книгу, ожидая, что они последуют моему примеру, но обе они смотрели на меня, словно на сумасшедшую.

Я вздохнула. Коллективная работа в самом худшем ее проявлении.

Глава 10

День Выпускника

Я – обман, фальшивка. Если б люди узнали мои тайны, они не захотели бы дружить со мной.

Для начала – я ненавижу быть пьяной. Косой, синей, упившейся, залившей глаза. Я изображаю это, и изображаю убедительно. Быть трезвенником в колледже – значит остаться без друзей. Совсем. Все решат, что ты с придурью. В Хоторне по выходным мы только и делаем, что ходим на вечеринки и пьем. Даже ребятаки-первокурсники из тихих общежитий в кои-то веки набираются. И когда они это делают, очень забавно бывает смотреть, как они теряют контроль над собой. Теряют контроль. Именно это мне ненавистно. Как только алкоголь обжигает мне глотку и пищевод, я стараюсь сопротивляться действию растормаживающих веществ. Я буквально чувствую, как мое тело замедляется, расслабляется. С языка у меня слетают случайные мысли и замечания – дикая мешанина личных сведений. У меня слишком много тяжелых и мучительных воспоминаний. Того, что я должна держать в себе.

В течение зимы первого курса я едва не рассказала Руби всё. Во время метели мы много часов подряд сидели и играли в карты. Примерно в три часа ночи Руби спросила меня о моей семье.

Комната вращалась, я лежала навзничь на кровати Руби. Остальные смотрели полнометражку Диснея в другом конце комнаты, Джон сворачивал очередной косяк, в то время как Джемма и Халед ржали, глядя на экран. Макс краем глаза поглядывал на меня и Руби. Он вот уже не первый час держал одну и ту же кружку с пивом, зажав ее между коленями, и постоянно зевал. Однако никогда не уходил спать, пока Руби не объявляла, что вечеринка окончена.

Мое тело было вялым, бессильным. Тщательно возведенные стены рухнули – так, словно их никогда и не было. Я сделалась развязной; всё, что я имела против наших соучеников, свободно лилось у меня с языка. Руби, сидящая рядом со мной, хихикала и толкала меня в бок; у меня уже живот болел от смеха.

«Расскажи мне о своей семье», – произнесла Руби. И я едва не сделала это. Слава богу, вместо этого меня начало тошнить.

Пять минут спустя мы были в туалете, и Руби придерживала мои волосы, глядя меня по спине свободной – рукой.

– Всё в порядке, – сказала она успокаивающим тоном. – Скоро тебе станет лучше.

Я продолжала выворачиваться наизнанку над унитазом. То, как она держала мои волосы, напомнило мне о матери: когда я болела, мама собирала мои волосы в «хвост». «Всё в порядке, дочка, пусть всё оно выйдет наружу».

После этого я купила фляжку. Она до сих пор у меня. Серебряная и твердая, как пуля. Тот факт, что я ни с кем не желала делиться ею, я объясняла боязнью паразитов. Макс понял меня. К его тревожному расстройству прилагалась фобия болезней. Я носила фляжку на все вечеринки и ни с кем не делилась ее содержимым. Я объявила, что у меня развилась аллергия на глютен, поэтому мне нельзя пить пиво. Правда, это означало, что мне приходилось тайком брать пиццу в столовой и поглощать ее в своей комнате в одиночестве. Халед дразнил меня из-за фляжки, но к середине второго курса все уже знали об этой моей особенности, и это даже неким образом выделяло меня.

Я думаю об этом, пока иду обратно к дому после принятия душа. Мы с Халедом быстро шагаем по Главной аллее кампуса, наша кожа покрыта мурашками от зимнего холода. Ноги у Халеда смуглые, поросшие черными волосами, мои ноги – белые, словно бумага. На плечи мы набросили полотенца, а в руках держим мокрую одежду, испещренную несмываемыми пятнами глубокого синего оттенка после той остановки в доме команды пловцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Хьюстон Тексанс» и «Нью-Йорк Джайантс» – футбольные клубы (американский футбол).

2

«Сан-Франциско Форти Найнерс» – американский футбольный клуб.

3

«Нью-Ингленд Пэтриотс» – американский футбольный клуб. Один из членов команды – Томас Брэди-младший, упомянутый далее.

4

Имеется в виду остров Мартас-Виньярд, популярное место летнего отдыха среди богатых американцев. На остров можно попасть только морем или самолетом.

5

Пиньята (исп. Piñata) – мексиканская по происхождению полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги с орнаментом и украшениями. Своей формой пиньята воспроизводит фигуры животных (обычно лошадей) или геометрические фигуры, которые наполняются различными угощениями или сюрпризами для детей (конфеты, хлопушки, игрушки, конфетти, орехи и т. п.).

6

ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство.

7

«Квотерс» – игра на выпивку. Игроки по очереди бросают на стол монетки, стараясь попасть ими в кружку с выпивкой. Проигравший должен выпить содержимое кружки.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/brokmann_kambriya/skazhi-mne-vse

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)